
МЕЩЕРЯКОВ ДМИТРИЙ
СИМФОНИЯ СВЕТА И ТЕНИ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПРОКЛЯТАЯ БАШНЯ
18+

Дмитрий Мещеряков

Симфония Света и Тени. Часть 1 - Проклятая Башня

«Автор»
2026

Мещеряков Д.

Симфония Света и Тени. Часть 1 - Проклятая Башня /
Д. Мещеряков — «Автор», 2026

Добро пожаловать в Араан — мир, где даже самая маленькая тайна может изменить судьбу.Здесь древние леса хранят забытые секреты, а магия живёт в артефактах, разбросанных по всему миру. Сила каждого напрямую зависит от них, а некоторые реликвии способны выбирать собственных владельцев.Здесь свет и тьма не просто противостоят друг другу. Они танцуют.Лайнесу вынесен приговор: ночи — в башне-темнице, дни — в Святом Ордене. Ни рыцарского плаща, ни славы — только пожизненная служба королевству. Но встреча с загадочной девочкой меняет всё. То, что казалось сном, становится явью, а стены башни открывают тайны, скрытые веками.На его пути появляется друг Раск — крестьянин, мечтающий о невозможном. Вместе им предстоит отправиться навстречу опасностям и приключениям. Пока другие королевства плетут интриги и ведут собственную игру, прошлое Лайнеса хранит ответы, о которых он даже не подозревает.Первая нота уже прозвучала. Но настоящая Симфония только начинается...

© Мещеряков Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Тень короны. 5
Глава 2 Шёпот закрытой двери. 17
Глава 3 Добро пожаловать в Градстоун! 33
Глава 4 Горечь правды. 43
Глава 5 Цена неудачи. 58
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Дмитрий Мещеряков
Симфония Света и Тени.
Часть 1 - Проклятая Башня

Глава 1 Тень короны.

Тишина… Темнота… Одиночество… Эти слова пугают, не правда ли? Вы когда-нибудь задумывались, сколько у них общего? Три слова, три грани одного ужаса. Они не похожи, но связаны незримой нитью: назови одно, и два других явятся без приглашения.

А теперь вложите их в четыре стены детской спальни. Нет, не уютного гнёздышка — в камеру с решётками вместо окон. Ветер играет на стальных прутьях, как на расстроенной арфе. От его звуков стынет в жилах кровь. Тревога здесь охватывает не только ребёнка, но и любого, кто осмелится переступить порог.

Скрип сухих ветвей, длинных и узловатых, словно когти старухи, проникает в самую глубь сознания, заставляя содрогаться даже каменные стены. Каждую ночь они сливаются в единый шепчущий хор, царапая стены настойчиво, будто ищут лазейку.

В мерцающем свете уличных фонарей рождаются жуткие тени — извивающиеся твари, которые ползут до самой кровати, чтобы исчезнуть в последний момент.

Стены испещрены потускневшими символами, хранящими тайны столь древние, что их смысл давно утерян. Кто-то говорит, что их вырезали при строительстве. Другие верят, что камни в стенах изначально несли эти надписи — будто сама природа запечатлела на них молитвы для будущих воинов. Третьи, оглядываясь по сторонам, шепчут о демонических иероглифах, появившихся лишь в этой проклятой комнате.

Люди клянутся, что видели в ночных коридорах существ. Те оставляют следы — словно сама тьма прошла здесь. Впрочем, поговаривают, что эти истории — не более чем вымысел, придуманный трактирщиками для привлечения клиентов.

Тем не менее охрана и дворцовые слуги стараются избегать этой комнаты. Зловещая притча гласит, что любой, кто осмелится хотя бы постучать в эту дверь, обречён провести день, полный ужаса, а иногда и встретить смерть.

Тишина… Темнота… Одиночество… Какие секреты она хранит?

— Морти? Морти! — шёпотом позвал мальчик, перебирая складки пледа. — Где же ты спрятался на этот раз? А-а, вот ты где! — проговорил мальчик, когда его пальцы нащупали мягкую плюшевую игрушку под подушкой. — Как поживает мой храбрый слон-разведчик? Ты дежурил у стальных прутьев, пока меня не было? Молодец! Давай продолжим операцию «Побег». Ты проверяешь стену, а я исследую дверь. Сегодня мы найдём выход!

Внезапно он замер, услышав шаги в коридоре.

— Тревога! — прошептал он и быстро спрятался под одеяло.

Дверь скрипнула и приоткрылась. Мальчик вздрогнул, но, узнав мать в дверном проёме, расплылся в улыбке.

— Мама? Это… правда ты? — его голос дрожал от неверия. — Можно мы уйдём? Я уже всё собрал! — он показал на потрёпанный рюкзачок, выглядывающий из-под кровати.

— Лайнес! Солнышко моё! Знаю, тебе некомфортно здесь, но поверь — сейчас это самое безопасное место, — мать распахнула объятия. В её голосе звучала радость, смешанная с тревогой.

— Здесь страшно! Я боюсь темноты. Мам, я же принц, почему я должен тут находиться?

— Мой родной, это лишь временно. Ты ведь знаешь, как мы с отцом любим тебя, — она провела рукой по его щеке, смахнув невидимую пылинку.

— Тогда скажи, от кого меня прячут! — он вскочил, и плюшевый слон свалился на пол.

— Лайнес… — её голос дрогнул, но ладонь оставалась тёплой на его лице.

— Я принц! У нас же тысячи солдат! Почему… — он не договорил и яростно смахнул ладонью предательскую слезу, упавшую на каменные плиты.

— Разве это не тот подарок на день твоего рождения? Должна признать, я была удивлена — обычно подарки у него получаются не очень, но в этот раз он превзошёл сам себя. Морти, кажется, так ты его назвал?

— Угу. Он оберегает меня, пока я сплю.

— Хочешь, я расскажу тебе сказку перед сном? Ту самую, что ты так любил в детстве.

— Я уже не маленький, — пробормотал мальчик, но в тот же миг подхватил слона с пола и прижал к груди, уткнувшись носом в его мягкое ухо.

— Даже короли иногда нуждаются в сказках, — она улыбнулась, поправляя покрывало.

— Правда? Тогда расскажешь ту, про драконов, что создали Араан? — он уже забирался под одеяло, не выпуская игрушку из рук.

— Конечно, мой храбрый принц, — мать присела на край кровати.

Когда-то давным-давно, тысячелетия назад, родился наш мир — Араан. Жизнь на нём не зарождалась мгновенно: поверхность долгое время покрывали ледяные кратеры. Если где-то и угадывалась цельная местность, то она была сплошь укрыта снегами. Ни одной живой души не было в этом царстве, пока не засияло солнце. Оно принесло надежду и свет, пробуждая от спячки леса и поля. Горные реки и искристые озёра начали свой круговорот, наполняя мир энергией.

Тогда, вместе с пробуждением мира, появились и первые его дети — драконы. Их было трое: Зарег, Таир и Кеон. Пламя Кеона могло испепелить всё, на что он дыхнёт, или создать жизнь из пустоты. Зарег своим дыханием замораживал реки и сокрушал горы. А на что был способен Таир — не расскажет никто.

Ледяной и огненный драконы не сошлись во взглядах на будущее Араана. Зарег считал, что выжить должны только сильнейшие, а остальные недостойны жизни. Для него важна была только сила, тогда как другие качества он считал незначительными. Эти суждения не находили поддержки у Таира и Кеона. Они не собирались терпеть его притязания.

Они продолжили развивать мир, вдыхая в него новую жизнь. Так возникли четыре расы: люди, эльфы, гномы и орки. Гномы ушли в горы, эльфы — в густые леса, орки — в саванны, а люди заселили плодородные равнины у рек. Зарег наблюдал, и в его сердце копилась тьма. Этот мир не соответствовал его представлениям, и он осознал, что желает его уничтожить.

Первой жертвой обезумевшего Зарега стали гномы, обитавшие на северных вершинах. Таир и Кеон знали о растущей тьме в сердце собрата, но не ждали удара так скоро. Ледяной дракон обрушился на чертоги гномов ночью. Его дыхание превращало стены и колонны в хрустальный лёд. Сами гномы застывали в последнем крике. К утру от расы остались лишь тишина и ледяные изваяния. Чаша жизни процветающей цивилизации опустела навсегда.

Таир и Кеон опоздали — снежные горы встретили их ледяной тишиной. Не раздумывая, они бросились в погоню за Зарегом, желая остановить его безумие, пока он не добрался до остальных рас. На границе людского королевства они настигли врага. Объединив силы, они сокрушили Зарега в смертельной схватке. Кеон запечатал обезумевшего дракона пламенем своего сердца. А Таир отправил неприятеля в другое измерение.

Но победа далась высокой ценой: жизнь Кеона оборвалась, а огонь в его глазах потух. Где-то на вершине ледяных скал скрыта гробница, где покоятся останки огненного дракона.

Поговаривают, что печать, заточившая Зарега, со временем ослабла. Но он так и остался в другом измерении — лишь сумел расширить там своё влияние. В новом мире, созданном по

его воле, его владения заполонили полчища нечисти, разлагающие всё живое, и легионы кровожадных демонов. Говорят, что отголоски его тьмы просачиваются даже в Араан — особенно в тех местах, где грань между мирами истончилась.

Этот отверженный мир получил название «Подземелье». Запечатанный в собственных сетях, Зарег всеми способами искал выход, чтобы осуществить месть. Он собрал армию, но, несмотря на все усилия, так и не смог выбраться из своей тюрьмы.

Злой дракон сотворил мир, о котором мечтал, — мир, где правила сила. Злоба и агония в конце концов поглотили его. Но его миссия была выполнена. И теперь, где-то в глубинах другого измерения, живут новые существа, расцветающие в мрачных уголках Подземелья.

Таир не смог вынести гнёта одиночества. В глубине сердца он осознавал, что должен вернуть погибшее королевство гномов. Дракон собрал всё, что осталось от его былой мощи, — каждую искру жизни, каждый отголосок души. Он сплёл их в единый поток и выпустил эту силу.

Его магия растопила ледяные кристаллы, и гномы освободились из каменного плена.

Заплатив своим существованием, он вернул к жизни потерянную расу. С тех самых пор о драконах больше никто не слышал. Так они оставили после себя четыре расы, которым суждено было населить Араан.

— Ну вот, теперь тебе пора спать, — женщина нежно поправила одеяло.

— Мама, а тёмные существа правда есть? — мальчик замялся, сжимая край покрывала.

— Конечно нет, это же сказка, — прошептала она, и в этом «нет» было столько любви, что даже ночь за окном стала светлее. Её пальцы бережно расправили непослушные пряди. А после она поцеловала его в щёку — тепло и стремительно, как летний дождь. Мальчик улыбнулся. Прежде чем выйти, она обернулась. В её взгляде читалось: «Спи, я рядом».

— Мам! — он вдруг приподнялся с постели. — Спасибо за сказку! Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, мой маленький принц, — голос её снова дрогнул, будто осенний лист, задержавшийся на ветке дольше остальных.

— Спокойной ночи… — шёпотом добавила она уже в пустоту.

***

— Ваше Величество, — робко произнес советник, слегка наклонив голову, — простите, что отвлекаю вас. Но вы провели в усыпальнице всю ночь. И… выглядите уставшим. Я понимаю, насколько важным будет завтрашний день, ведь завтра пройдёт уже десять лет с тех пор, как королева Эрия покинула нас. Но нарушать установленные вами традиции — значит подрывать собственные основы, мой господин.

Король на мгновение замер, но его лицо осталось непроницаемым.

— Если позволите… я бы предложил не отменять праздник, а устроить представление. Подарите народу то, чего он жаждет. Устройте незабываемый пир в честь Эрии.

Советник запнулся, пытаясь подобрать подходящие слова.

— Она была символом величия, веры и чистоты. Враги королевства следят за каждым нашим шагом, и именно в этот день мы должны продемонстрировать нашу мощь, ни в коем случае не показывая слабость.

Король настороженно перевёл взгляд на советника.

— Слабость — удел тех, кто не правит, — отчеканил он. — Кто бы мог подумать, что прошло десять лет… Десять лет без неё… А кажется, что это было вчера… Она одна могла унять мою боль и успокоить гнев. Жизнь без неё — сплошные страдания. Никто не займёт её место. Никто…

Тяжесть королевских проблем давила на плечи Кронгала. Он перевёл взгляд с советника на окно, но ответа там не находил. В камине хрустели раскалённые сучья, нарушая тишину его покоев. Король долго всматривался вдаль, пока пламя превращало ветки в раскалённые угли.

Огонь всегда разрушает всё на своём пути — так же, как время разрушает надежду, веру и мечты. Дрова недолго сопротивлялись своей участи и вскоре тоже стали пеплом. Кронгал почувствовал странное сходство: он давно уже тлел, как эти угли. Всё внутри него выгорело десять лет назад, когда не стало Эрии. С тех пор он лишь доживал, управляя королевством по инерции, но искра жизни давно погасла.

Могучий двухметровый король с угрюмым выражением застыл у окна. Его седая борода скрывала половину лица — она стала символом чести, обрамляя его суровые черты.

Именно под ней таился первый из двух шрамов, полученных в сражениях. Он проходил вдоль левой скулы до подбородка — безмолвное свидетельство его воинской доблести.

О происхождении шрама знал каждый житель королевства. В те далёкие времена, когда Кронгал ещё носил титул Лорда, он возглавлял войско и выступил против тирании гарха орды — кровожадного вождя по прозвищу Дрэг Кровожадный. Гарх прославился жестокой кампанией, в ходе которой множество людских деревень было разграблено и сожжено.

Именно в Крольском перепутье будущий король сошёлся в бою с вождём орды. Дрэг ринулся вперёд, занося ятаган для удара в шею. Кронгал успел перехватить «Каратель» обеими руками и встретить молниеносный удар. Клинки столкнулись с оглушительным звоном. В следующее мгновение Кронгал резко развернулся и рубанул наотмашь.

Клинок сверкнул, и рука врага, сжимавшая ятаган, отлетела в сторону. Гарх зашатался, но Кронгал не стал ждать: вторым ударом он обезглавил вождя, и тело тирана рухнуло в пыль. Однако и сам Кронгал не отделался без ранения — кривой ятаган всё же достал его, оставив глубокий порез на левой скуле. Этот шрам навсегда остался на его лице как память о той битве.

Восстание крестьян — явление редкое, но именно оно преподнесло Кронгалу подарок в виде второго шрама. В день, когда волна бунта охватила королевство, он одним из первых бросился защищать мирных жителей столицы от разъярённой толпы мятежников. В воздухе свистели стрелы и копья, словно свирепые насекомые, жаждущие крови.

На передовой шлем Кронгала сверкал на солнце, отбрасывая блики, когда одна из стрел, выпущенная с чудовищной силой, вонзилась в металл, пробив защиту всего в нескольких сантиметрах от глаза. Броня сдержала выстрел, но острие впилось в кожу над бровью — так появился второй шрам.

Этот выстрел не остановил Кронгала, и восстание подавили за один день. Зачинщиков казнили на месте, а остальных виновных повесили на главной площади. Трупы не снимали неделями. Их тела служили предупреждением мятежникам и предателям королевства о том, что кара и правосудие настигают каждого.

Сам Кронгал был воплощением этой силы. Годы тренировок и сражений сделали его руки по-настоящему могучими, жилистыми и крепкими. Кожа на ладонях и предплечьях стала жёсткой, словно чешуя, — такой же несгибаемой, как и сам король. Широкие ладони сжимали рукоять «Карателя», а пальцы смыкались с такой силой, что могли с лёгкостью раздробить кости.

Глаза короля смотрели спокойно — в них горел огонь, но без вспышек. Цвет старой стали, холодный и непроницаемый, этот взгляд не знал ни жалости, ни сомнений. В нём не было места для слабости — только расчёт, долг и победа любой ценой. Это был взгляд, который знал цену слову и не привык отступать.

Короткая стрижка Кронгала была частью его военной выправки. Без единого лишнего локона — только дисциплина, такая же, как в войске. Он не терпел беспорядка ни в армии, ни в собственной внешности. Даже в мирное время король оставался собранным, будто готовый вступить в бой в любой момент.

— Ваше Величество, — советник склонил голову. — Завтра — день, к которому столица готовилась. Люди ждут вас. Вы же подарите им праздник?

— Пусть народ не волнуется. Объявите, что король выйдет и преподнесёт им сюрприз в честь юбилея. А теперь скажи мне: где Дэйф? Почему он не доложил о своём прибытии?

— Лорд Дэйф вернулся вчера после полугодового отсутствия. Однако вместо доклада предпочёл провести ночь в трактире, где, по словам очевидцев, щедро угощал посетителей и праздновал свои «подвиги».

Кронгал едва заметно усмехнулся.

— Мне плевать, где он пьянствовал. Найди его и передай, чтобы явился в тронный зал. У меня есть поручение, с которым справится только он.

— Слушаюсь, милорд. Я тотчас разыщу его. Мне идти?

— Иди.

Королевская спальня дышала уютом и покоем. В камине мерцало пламя, отбрасывая блики на свечи, что стояли на изящных подносах. Пол устилал мягкий ковёр из шкур диких зверей — ступать по нему было словно по облаку. В углу красовалась кровать, застеленная покрывалом с изысканными узорами. На ней громоздились пуховые подушки в наволочках из льна, а воздух вокруг пропитывался лёгким ароматом лаванды и воска.

Рядом с кроватью стоял шкаф, в котором хранились невероятные сокровища: множество мантий и накидок, тёплые пуховики и прочая роскошная одежда. На праздники портные в знак благодарности дарили королю свои творения. Вещи не блистали драгоценностями, но их тепло и долговечность говорили о настоящем мастерстве и любви к своему делу.

Рядом со шкафом стоял столик из тёмного дерева. На нём всегда стоял глиняный кувшин с красным сухим вином — любимым напитком короля. Кувшин был грубоват, без росписи, но в форме чувствовалась рука опытного гончара. Вино хранилось много лет, выдержанное в дубовых бочках из южных провинций.

Кронгал не верил в уговоры и милость — он почитал силу, а самым надёжным оружием считал страх. Порядок, установленный им за долгие годы правления, превратил подданных в послушную массу, не смеющую перечить. Любой, кто осмеливался выступить против, знал свою участь: казнь, тюрьма или хуже — забвение. Поэтому королевство держалось не на любви, а на ужасе, который король умело сеял в сердца. Именно страх заставлял работать быстрее, сражаться яростнее и не задавать лишних вопросов.

При Кронгале возводились крепости в рекордные сроки, а враги быстрее разбивались на полях сражений. Отдай королевству всего себя, и получишь награду. Доживёшь до пенсии — встретишь покой с полными карманами крон. Таков был его негласный договор.

Воины королевства получали оплату монетами — кронами, основной валютой. Раз в месяц им выплачивали жалование в размере полутора тысяч крон. За личные успехи они удостаивались небольших надбавок, а некоторым и вовсе выделяли землю неподалёку от столицы. Основные их траты приходились на выпивку и женщин, поэтому двери трактиров всегда были открыты.

За свой тяжёлый труд крестьяне получали жалкие двести крон и призрачную надежду на защиту от разбойников. Их дни проходили в беспрерывном труде: они пахали землю, валили лес, добывали камень и строили укрепления. Ни минуты покоя — только работа на благо короны. Их удел — терпеть и молчать.

Хоть как-то облегчало участь то, что на принудительные работы не забирали женщин и детей. К тому же «особо тяжкие» длились полгода. По истечении срока крестьян меняли на других, и те возвращались домой. Крестьян в королевстве хватало — этот круговорот мог продолжаться бесконечно.

Отсутствие войн пагубно сказывалось на состоянии Кронгала. Когда-то поговаривали, что он, погружаясь в безумие, становился непредсказуемым. Крестьяне рассказывали, что раньше по его приказу их гоняли до полусмерти, заставляя выбирать смерть от меча, лишь бы не испытывать на себе ещё один день угнетения.

Тогда в народе и появилось прозвище для короля — «Бешеный Крон». Правда это или нет, никто не знал, но произносить его вслух не осмеливались. В последние годы за королём подобной жестокости уже не замечали, однако прозвище всё ещё жило среди народа.

А стены по всему дворцу украшали картины. С первыми лучами солнца они вспыхивали своими красками, словно пробуждаясь ото сна. Каждое полотно было шедевром — лучшим творением мастера. Пейзажи дышали жизнью: штрих за штрихом складывался в мелодию, от которой замирало сердце. Художникам удалось остановить время, запечатлев на холстах его прекрасные мгновения.

На одних полотнах царила весна: подснежники пробивались сквозь талый снег, а с крыш срывалась капель. Другие дышали летом: нивы клонились под ветром, а реки искрились на солнце, словно расплавленное стекло. Третьи пылали осенью: багряные леса горели в лучах заката, а листья кружились в прощальном танце. Четвёртые застыли зимой: хрустальные кружева инея покрывали ветви, и снег искрился под луной, будто россыпь бриллиантов.

Эти картины ценились на вес золота, и художники мечтали, чтобы их работы украсили дворец. Кронгал был суеверен: любую неудачу — будь то поражение или другие невзгоды, он связывал с дурной энергетикой. Поэтому при малейших проблемах король приказывал сжигать полотна дотла, а на освободившиеся места вешать новые, веря, что вместе с дымом уходят и его несчастья.

Работа художника была прибыльной, но крайне рискованной. Если мастер не угадывал с пейзажем или картина чем-то не нравилась Кронгалу, его могли обвинить в шарлатанстве и сослать на рудники. Наказание длилось два месяца, после чего мастер должен был заново доказывать свою пригодность к ремеслу.

По дворцовым коридорам, застывшим в полуденном оцепенении, появилась фигура его величества. Сквозь высокие окна струились потоки солнечного света, выхватывая из мрака плиты с узорами на полу.

Король шёл неспешно, словно отмеряя шагами время. Сандалии с золотыми пряжками едва слышно шуршали по каменным плитам, и звук терялся в пустоте коридора. Грубый плащ из варговой шкуры тяжело лежал на плечах, подчёркивая его могучую фигуру.

При приближении короля стража мигом преобразилась. Воины выпрямились в струнку и замерли, словно изваяния из стали и дисциплины. Облачённые в доспехи с королевской символикой, они ударили алебардами о пол. Грохот разнёсся по коридору и стал прологом к их возгласу.

— Слава королю! Слава королю! Слава королю!

Клич прокатился по коридорам и достиг врат тронного зала, где затих в торжественном отзвуке.

Стоять в коридоре, у дверей святая святых, считалось честью. Такая служба носила имя «Почётный караул», и многие посвящённые в рыцари мечтали удостоиться такой участи. Для каждого стражника кузнецы выковывали доспехи по индивидуальным меркам. Броня покрывалась слоем бронзы, чтобы придать ей величие, а солнце, играя на отполированных до зеркального блеска пластинах, заставляло металл переливаться всеми цветами радуги.

Рука Кронгала взметнулась в величественном жесте, и это резкое, отточенное движение разрезало воздух подобно клинку. Капитан караула позволил себе едва заметный выдох. За ним расслабились и подчинённые — доспехи их мелко задрожали, выпуская накопившееся напряжение.

Король прошёл мимо стражи, не удостоив их даже мимолётного взгляда. Чем дальше он углублялся, тем больше свет, льющийся из высоких окон, тускнел перед ним. Лучи робели, пока не сдались, оставив последнюю часть пути в полумраке.

Там, где плиты пола уже не золотились под солнцем, а тонули в сумерках, начиналась широкая лестница. Её ровные ступени вели вверх к массивным воротам тронного зала.

Лестница поражала своими размерами, позволяя десяткам людей подниматься бок о бок, ничуть не стесняя их движения. Отполированный камень сохранял лёгкую шероховатость, достаточную для уверенного шага. Каждая ступень, невысокая и пологая, словно шептала: «Не спеши», позволяя осознать всю важность этого восхождения. Каждый шаг — часть церемонии, каждое движение — дань уважения тому, что ожидает наверху.

Чем выше поднимался король, тем монументальнее казались врата. Богато украшенные, они венчали этот путь, словно заключительный аккорд в симфонии изящества. По обеим сторонам лестницы располагались жаровни — чаши, от которых веяло колдовством. Даже ребёнок, бросивший взгляд на эти сосуды, ощутил бы покалывание магии на коже.

По три чаши с каждой стороны стояли симметрично: две у подножия, две посередине лестницы и две у ворот. Казалось, они притворяются спящими, и стоит произнести забытое заклинание — как их нутро вспыхнет пламенем, освещая путь тому, кто достоин войти.

Величественные ворота возвышались в конце лестницы, подавляя своим размером. Над ними, подобно короне, венчающей каменное величие, выгибалась изящная арка. Её узоры, повторяющие символы на воротах, сплетались в ажурный орнамент.

На самих вратах, затмевающих своей красотой всё созданное людьми, был изображён ангел — истинное воплощение света. Его крылья простирались ввысь, словно два сияющих паруса, надутые ветром. Они были распахнуты в торжественном жесте, слегка отведены назад, будто ангел только коснулся земли или готовился вознестись. Казалось, от любого прикосновения перья вздрогнут, наполняя пространство звуками ангельского полёта.

Ангел застыл в величавой позе, облачённый в струящийся плащ, словно сотканный из самого света. Лицо скрывалось в складках ниспадающего капюшона, оставляя черты в тени. От этого фигура казалась ещё более загадочной, словно перед королём застыло не изваяние, а нечто, способное превзойти даже древние араанские предания.

В руках он держал то, что лишь по форме напоминало меч. На деле это был чистый свет в своём первозданном проявлении — абсолютная мощь, неведомая смертным. Ангел слегка опирался на гарду, будто само величие требовало земной точки опоры.

И тут же взгляд притягивала тончайшая щель, рассекавшая пополам и лезвие меча, и фигуру ангела, создавая проём. Казалось, перед королём было не изображение, а механизм: стоит коснуться — и он либо разойдётся по сторонам, либо вновь станет единым целым.

Этот силуэт был не просто резьбой по металлу, а напоминанием о пределе человеческой силы — о том, что однажды человек сможет вознестись до подобной формы.

Король подошёл к одной из чаш и медленно опустил в неё руку. В тот же миг его кожу пронзило пламя: старая метка, до этого спавшая, вспыхнула на предплечье голубым светом. Словно жидкий лёд, она потекла вверх, охватывая руку целиком.

Металл в жаровне ожил. Из-под пальцев короля выползла первая голубая искра, за ней вторая. Искры ринулись вперёд, перескакивая с чаши на чашу.

Первой отозвалась соседняя жаровня, и её огонь побежал по лестнице, будто невидимый гонец. Следом вспыхнули остальные, подобно звёздам на ночном небе. Их огонь горел ровно, окрашивая каменные стены в потусторонний аквамариновый свет.

И тогда наступил последний акт. Пламя, пылавшее в чашах, сорвалось и устремилось к клинку ангела, сплетаясь в один ослепительный поток огня. Меч вспыхнул, но теперь он не светился — он задышал, ожил.

Языки пламени лизали лезвие, прочерчивая на нём прожилки, и казалось, что сам ангел дрогнул, будто пробуждаясь ото сна, готовый сойти с места после веков ожидания.

Щель, до этого служившая лишь призрачной линией, внезапно дрогнула. Сначала это был едва уловимый треск — будто лёд на поверхности озера в первый мороз. Затем щель расширилась, превратившись в шов, из которого хлынул ослепительный свет.

Ангел начал расходиться. Сперва меч, затем руки, крылья, наконец, сам лик, скрытый под капюшоном, — всё изображение разделилось надвое. Половины раздвигались, как створки небесных врат, открывая проход в тронный зал.

Король переступил порог — и первым, что бросилось в глаза, оказался пол.

Не просто каменные плиты, а застывшая история. Под ногами расстилалась карта мира Арааан, выложенная из тысяч кусочков цветного камня, перламутра и самоцветов. Каждая граница, каждая тропа были прорисованы с такой филигранной точностью, что, казалось, стоит наклониться — и в воображении зазвучат плеск речной воды, скрип тележных колёс и звон кузнечных молотов.

Перед королём лежал весь Арааан.

Земли людей занимали обширную часть карты. Золотые и охристые равнины пересекали дороги, а города мерцали драгоценными камнями разного размера. Среди них особенно ярко сияла столица — над ней возвышался королевский герб, словно напоминая каждому, кто смотрел на мозаику: здесь находится сердце человеческих земель.

Но стоило Кронгалу перевести взгляд дальше, как становилось ясно: за пределами его королевства простирался огромный мир.

На северо-востоке зеленели владения эльфов. Изумрудные леса почти скрывали города, а тонкие мосты из лунного камня соединяли кроны деревьев. В центре их земель мерцал Лунный Колодец — сакральный источник, который считался сердцем эльфийской силы.

Северную часть занимали горы. Чёрный обсидиан сменялся сапфиром и хрусталём, а среди горных хребтов тянулись огненные реки из багровой яшмы и рубинов. Величайшая вершина была отмечена Огненным Кратером — символом гномьей расы. Даже на мозаике казалось, будто в её глубине ещё теплится пламя.

На юге мозаики, прямо у входа в тронный зал, лежали земли орков. Дымчатый кварц, серый мрамор и тёмные прожилки яшмы создавали иной образ. Здесь не было городов или чётких границ — лишь бескрайние степи, высохшие русла рек и лагеря.

Особенно странно выглядели жёлто-зелёные подтёки, расползавшиеся по краям оркских земель. Они напоминали плесень и словно портили работу мастеров. Когда свет падал под углом, кварцевые плиты начинали мерцать тусклым багровым сиянием.

Кронгал задержал взгляд на этих местах.

Он знал о землях за пределами человеческого королевства немало. Но видеть весь Арааан под ногами было совсем иначе.

Мозаика не просто показывала границы. Она напоминала о том, что королевство людей — часть огромного мира Арааан. Часть мира, который держался на хрупком равновесии. И однажды эти границы могут пошатнуться.

Король оставил мозаику позади. Его шаги эхом отдавались между двумя массивными колоннами, покрытыми странной резьбой. Они возвышались, словно деревья, а узоры на них напоминали о союзе: левую оплетали лозы, правую испещряли руны.

Пройдя половину пути к трону, Кронгал свернул в сторону. Вскоре его фигура скрылась в полумраке. Он подошёл к нише в стене, затянутой чёрным бархатом. Там стояли урны из матового обсидиана, каждую отмечала серебряная табличка с именем. В них хранился прах правителей прошлого.

Пальцы короля скользнули по поверхности ближайшего сосуда, и он замер, осознавая неизбежное: однажды его собственное имя займёт место на этой полке. Но достаточно ли он сделал, чтобы его имя встало над именами предков, а не просто рядом с ними?

Король перевёл дыхание, но не нашёл ответа. Холод камня напомнил ему истину: важны не годы, а то, что успеваешь сделать, пока твоё имя не выбили на серебре.

Чуть выше ниши, в выемке из чёрного дерева, покоилась «Книга Клятв» — массивный фолиант в переплёте из потемневшей кожи, с углами, окованными серебром. Пожелтевшие от времени страницы хранили не только законы, но и клятвы прежних правителей.

Легенды гласили, что тот, кто нарушит записанное в книге, навлечёт проклятие не только на свой род, но и на землю, которой правит. На торжественных церемониях новые короли приносили присягу, касаясь её страниц. Магические чернила запечатывали клятву, и с этого дня каждый правитель знал: за её нарушение неизбежно последует расплата.

Кронгал протянул ладонь, и книга с тихим скрипом сошла с полки, будто пробуждаясь от долгого сна. Король перелистал несколько страниц, ощущая шершавость бумаги под пальцами. Одни листы были исписаны, другие хранили лишь королевские печати на лентах, вплетённых в переплёт.

Не закрывая фолиант, он двинулся к трону.

Трон не сверкал золотом и не подавлял величием. Высеченный из цельного орехового ствола ещё при первом правителе, он воплощал суть королевской власти: король должен быть ближе к земле и своему народу, чем к небесам.

На спинке проступали потемневшие древесные волокна, похожие на прожилки на руках земледельца. Подлокотники давно отполировались от множества прикосновений, но на них виднелись едва заметные зарубки.

Лишь бархатная подушка цвета охры, на которой покоилась корона, напоминала о статусе правителя. Её ткань потускнела от времени, а по краям сохранилась тонкая золотая вышивка. На мягком бархате остались едва заметные следы старых складок — казалось, она лежала здесь десятилетиями, почти не меняя своего места.

По обе стороны от трона возвышались знамёна победы — тяжёлые, вышитые золотом по потёртому шёлку. Их древки, потемневшие от времени, уходили в каменные плиты.

Когда врата открывались, сквозняк касался полотнищ, и шёлк оживал. Поговаривали, что двигал его не ветер, а духи прежних побед, до сих пор не покинувшие зал.

Стоило королю сесть на трон, как знамёна постепенно стихали. Но когда он поднимался, полотнища вновь приходили в движение.

— Не перестаю удивляться, как тебе удаётся оставаться незамеченным и проникать в самые дальние уголки королевства, — произнёс король, застыв перед троном.

— Я — слуга света. А свет проникает туда, куда не добирается человеческий взгляд, — донёсся ответ из тёмного угла зала.

— Давно я не слышал таких речей — наглых и дерзких. И всё это прямо в лицо королю. Глава Святого Ордена и носитель титула «Легендарного» может себе позволить многое. Вот скажи, Дэйф, ты ведь знаешь, какую книгу я держу?

— В ваших руках Книга Клятв, мой король.

— Тогда скажи: какая же клятва в ней главная?

— Служение королю и Короне. Впрочем, я давно её не перечитывал и могу ошибаться.

— Тогда ответь мне. Если свод законов нарушает сам паладин, чего мне следует ожидать от остальных подчинённых?

— Мои слова и поступки отражают то, что живёт в сердце, Ваше Величество. И если вы сочтёте мои способности недостойными доверия и пожелаете найти преемника, которого признаете более достойным, — я с честью сложу с себя полномочия и освобожу пост. Мне не пристало пятнать славу Ордена.

— Дэйф, неужели ты всерьёз рассчитываешь на это? Ты знаешь, что никому, кроме тебя, я не доверю исполнение важных поручений. Давненько мне не доводилось видеть твой свет во всей его красе. Яви его сияние.

Голос короля неожиданно потеплел, и на его лице появилась лёгкая улыбка.

Из сумрака зала, где даже воздух казался тяжёлым от вековой пыли, внезапно родилось сияние — настолько чистое, что напоминало солнце, пробивающееся сквозь толщу туч. Оно лилось мягкими волнами, будто растопленный янтарь, переливаясь между колоннами и заставляя тени отступать. Свет приближался, как невесомая стихия, подчиняющаяся лишь собственной воле.

Когда сияние обрело очертания, стало видно: его носитель — мужчина, выглядевший не старше тридцати. Светлые волосы, будто тронутые утренней зарёй, сливались с сиянием, исходившим из раскрытых ладоней. Казалось, мощь света сосредоточилась в них, словно в чашах из плоти и крови заключили сердце звезды.

Он шагал вперёд, и в тот миг, когда расстояние между ним и королём сократилось до нескольких плит, свет погас, будто его и не было вовсе. Лишь мерцание в воздухе выдавало недавнее присутствие магии.

Мужчина опустился на одно колено и склонил голову. Тронный зал снова погрузился в тишину, теперь уже наполненную ожиданием.

Король с едва уловимой улыбкой шагнул вперёд и дружески хлопнул мужчину по плечу. В этом жесте читались и приветствие, и разрешение подняться.

Дэйф поднялся с колен, и свет высветил его лицо — резкое, словно высеченное из камня. Широкий лоб, твёрдый подбородок и выступающие скулы выдавали воина, привыкшего командовать. Длинные волосы, отливающие цветом спелой пшеницы, были зачёсаны назад, открывая лицо во всей его выразительности. Они ниспадали на плечи, мягко колышась при движении. Эта причёска, одновременно благородная и практичная, лишь подчёркивала его мужественную красоту.

Но его красота меркла перед татуировкой, пылавшей на лице, словно клятва, выжженная самой судьбой. Она располагалась на левой стороне, захватывая лоб, пересекая глаз и спускаясь ниже. Чёрные линии, выжженные на коже, складывались в изображение феникса. Голова птицы смотрела вперёд, а крылья распростирались от виска до скулы.

Со стороны можно было подумать, что это не нанесённый узор, а врождённое пятно — настолько органично татуировка сливалась с обликом, будто всегда была его неотъемлемой частью.

— Ходят слухи, что ты нашёл время для трактира, но не нашёл его для меня. Я слишком хорошо тебя знаю. Должна быть весомая причина, чтобы ты предпочёл трактир встрече со мной после столь долгого отсутствия.

— Вы правы, мой король. Из своего опыта знаю: людей лучше допрашивать не пытками, а входя в доверие. Стоит угостить их кружкой эля — так они мигом всё разболтают.

— Признавайся, на этот раз ты маскировался под купца или избрал более творческий подход? Тебе удалось разузнать о мятежниках королевства? Не сомневаюсь, ты принёс не только слухи, но и доказательства.

— Признаюсь, я считал маскировку безупречной. Но епископ оказался проницательнее, чем я ожидал. Альбрен подкараулил меня у трактира, и мне пришлось поделиться с ним сведениями, которые удалось раздобыть. Что до мятежников — позвольте мне сохранить интригу до начала годовщины. Один из предателей получит… неожиданный визит. Совсем скоро. Без лишнего шума, разумеется.

— Раз это говорит сам паладин, мне остаётся спокойно ждать результатов.

Усмешка тронула губы короля.

— Лучше скажи, Дэйф: что насчёт главного? Тебе удалось отыскать следы артефакта?

— Согласно моим сведениям, один из артефактов действительно скрыт в пещере… если её можно таковой назвать. Имя ей Аларай. За последние годы никто не смог отыскать вход в неё. И не без причины — говорят, пещера не любит гостей. Её врата дышат — сегодня здесь, завтра исчезают, словно мираж. Открываются тому, кого она сочтёт… достойным.

Дэйф ненадолго замолчал, перебирая в памяти дни поисков.

— Что скрыто внутри? Никто не знает. Ни формы, ни содержимого. Но когда я бродил по ущельям, моё чутьё, никогда не подводившее меня, буквально кричало: пещера рядом. Я чувствовал её. Но каждый раз, когда казалось, что я наткнусь на вход, обнаруживал лишь ветер и скалы, насмехающиеся над моими поисками.

Дэйф снял с плеча котург — кожаную сумку, которую в Ордене носили вместо обычных мешков. Развязав застёжки, он вытряхнул на пол две отрубленные головы.

Мёртвые глаза существ застыли в оскале. Твари напоминали помесь болотных и орочьих существ: кожа, покрытая слизью, отливала чешуйчатыми пятнами. Клыки, типичные для орков, сочетались с перепончатыми жаберными щелями на шеях.

— Вот почему я искал Аларай не только в горах, но и на болотах, — паладин пнул одну из голов. — Эти ублюдки тоже рыщут по всему Араану в поисках пещеры.

— Как и предполагалось… Твари из других королевств подняли морды, почуяв добычу. В отличие от нас, они слишком трусливы, чтобы действовать открыто. До чего же жалко пали те, кто когда-то называл себя благородными.

Король сжал кулак так, что костяшки побелели, и обрушил его на колонну. Каменная кладка содрогнулась. Потолок дрогнул, осыпав всё пылью. Она медленно оседала на плечи короля и каменные плиты. Голос, ещё мгновение назад презрительно-спокойный, внезапно взорвался металлическим громом:

— Они осмеливаются преступать вековые клятвы и вступать в союз с осквернёнными племенами! Ничтожные отродья!

— Их ошибка в том, что они усомнились в вашей решимости. Гонцы лежат у ваших ног, не успев шепнуть ни слова своим господам. А значит… время теперь работает на нас.

— Ты прав, время работает на нас. Ты в очередной раз славно послужил Короне. Но есть ещё одно дело. Мейстер решил, что чаши весов требуют уравновешивания… Значит, Кубок Титанов состоится в этом году. Пятнадцать лет тишины — и теперь все расы Араана будут рваться к победе в испытаниях. И, как ты можешь догадаться, Дэйф, нам нужна эта победа, ведь наградой станет очередной артефакт. Каковы наши шансы, по-твоему?

— Шансы невелики. Молодые бойцы подают надежды, но для победы нужна не только сила, но и умение читать между строк.

— Люди веками побеждали там, где другие видели гибель. Сейчас речь идёт не просто о чести… а о нашем будущем. Артефакт, что станет наградой, — это ключ к силе, которая понадобится Бэлле. Уверен: если бы Мейстер разрешил участвовать наследникам, ей бы не было равных. Что касается шансов… Они есть всегда, и я уверен: ты подберёшь достойного кандидата. Будь то наёмник или гений-самоучка — неважно. Главное — чтобы он принёс этот артефакт и уронил его к её ногам.

— В Ордене обучаются лучшие из лучших. И если говорить о самом достойном, то эта кандидатура вам вряд ли понравится…

— Если ты о Лайнесе, то ты знаешь мой ответ. Давно я его не видел… В последний раз, когда мне доводилось о нём слышать, он не шибко преуспевал в Ордене.

— У Лайнеса есть то, чего другим не хватает. Это интуиция. Её часто недооценивают, но порой именно она решает исход сражения.

— Как бы там ни было, он должен оставаться в башне. И твоя главная задача, Дэйф, — следить, чтобы его доставляли туда вовремя, — грубым тоном проговорил король. В этот момент в его зрачках мелькнуло нечто зловещее.

— Ваше слово — закон, мой король. Я даю клятву: достойный кандидат будет найден. Если не среди нынешних воспитанников Ордена — так среди тех, чьи имена давно стёрлись из летописей.

— Рассчитываю на тебя. От этого кандидата зависит наше будущее, — сказал король и направился на выход.

Глава 2 Шёпот закрытой двери.

Яркий рассвет озарил опушку, но его свет не грел — лишь скользил по поверхности, как чужая ладонь. Земля была покрыта перегноем — чёрной, дышащей массой, в которой что-то шевелилось при каждом шаге. Почерневшие листья лежали вперемешку с корнями, переплетаясь в подобие паутины. Воздух густ, насыщен спорами давно забытой плесени. Ветра не было. Ни намёка на дуновение — лишь тишина, которая не приглушала звуки, а поглощала их целиком.

Утренний свет обманчив. Он не прогонял тьму, а подчёркивал её, отбрасывая длинные, неестественные тени. Деревья стояли тесно, а их стволы перекрутились, будто застыли в попытке вырваться. Но куда? Опушка сомкнулась, как ловушка, а небо над поляной, хоть и видимое, казалось плоским — нарисованным. Мысли путались, и всё сильнее казалось, что время здесь течёт иначе.

— Как я здесь оказался? — голос юноши дрожал, в нём росла паника.

Он провёл дрожащими пальцами по лицу, будто пытаясь стереть пелену, застилавшую разум. В голове вспыхивали обрывки воспоминаний, словно угасающие огни во тьме. Одно слово снова и снова всплывало в сознании:

— Ар… — этот слог вырвался из его уст. — Это чьё-то имя? Оно так знакомо. Откуда?.. Точно… кажется, её так звали.

Голос сорвался, став чужим для него самого.

— Чёрт! Как же я хочу вспомнить! Не могу… Голова… сейчас взорвётся!

Он закричал, вложив в крик всю ярость и отчаяние.

— Арса… — прошептали его губы.

Имя обжигало, как раскалённый уголь, оставляя на языке привкус пепла. Почему память отказывалась повиноваться, выдёргивая из тьмы лишь клочья воспоминаний: тень смеха за спиной, холод пальцев, вцепившихся в его руку когда-то, запах полыни в её волосах?

Язык прилип к нёбу, слюна стала густой, как смола, а перед глазами проплыли обрывки лица. В этот момент голова юноши начала не просто раскалываться — казалось, череп вот-вот лопнет, выпуская наружу кишащие мысли.

Он рухнул на колени, и земля встретила его жёстким ударом. В ушах глухо гудело, будто колокол, к которому примешивался визг петель. Звуки обрели физическую форму, сдавливая грудь и вытесняя воздух из лёгких. И сквозь весь этот хаос пробивалось…

— Ар…са… — его губы обожгло снова, будто имя было заклятием, а не воспоминанием.

Шум внезапно оборвался, оставив после себя тишину. Юноша медленно поднял голову, ощущая, как позвонки скрипят, словно несмазанные шестерёнки.

Он оглянулся, но узнал это место с трудом: перед ним была опушка, вернее, её бледное подобие. Ничего невозможно было разглядеть — плотный туман, внезапно опустившийся с небес, поглотил всё, оставив лишь размытые силуэты.

Мир лишился звуков, запахов и красок. Всё вокруг превратилось в выцветшую гравюру, где оттенки серого правили миром, стирая границы между небом и землёй. Туман висел в воздухе — он полз, обволакивая ноги холодными щупальцами.

Наконец-то обоняние вернулось, принеся с собой тошнотворный коктейль из запахов: прогнившего перегноя и едкой гари. Его тут же скрутил рвотный спазм. В этот момент туман рассеялся, словно его и не было, открыв взору… тренировочный полигон. Тот самый, где из детей, ещё не доросших до учебных парт, лепили «материал». Где вместо букварей вручали оружие, а вместо уроков — боевые сценарии.

Снаряды, вкопанные в землю. Полосы препятствий, похожие на остовы монстров. Он не помнил, что здесь происходило, но чувствовал нутром: именно здесь он был по-настоящему

счастлив. До того момента, когда произошёл роковой случай — тот, что разделил его жизнь на «до» и «после».

После него он навсегда остался с окровавленными ладонями. Боль… Она не просто жила в нём — она грызла, выедая изнутри всё, кроме ярости. Он ненавидел себя… Свои руки, толкнувшие человека, и не просто человека, а своего друга. Слёзы уже невозможно было скрыть — солёные потоки разъедали лицо.

А потом… крик. Не голос — вой, вырвавшийся вместе с клоками воздуха, будто лёгкие вывернули наизнанку. Туман дрогнул. Земля под ногами застыла, будто в ужасе от того, что породила такое отчаяние.

Вытерев слёзы и сжав зубы, он ступил вперёд — и мгновенно погрузился по щиколотку в жижу. Паника заставила дёрнуться назад. Ботинок остался в трясине — она поглотила его за секунду.

И вдруг страх отступил, сменившись ледяным оцепенением. Он ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. Чутьё подсказывало: этот взгляд не сулил опасности. Напротив — в нём скрывалось что-то знакомое, будто невидимые нити связывали его с тем, кто наблюдал. Юноша застыл… И тогда — ветер.

Впервые за долгое время воздух дрогнул, наполнившись жизнью. Лёгкий порыв принёс аромат, от которого сердце забилось сильнее.

Запах. Он был сладковатым, с нотками мёда, окутывая его, словно приглашая…

Туман рассеялся.

Он обернулся. Перед ним возвышалось дерево, поражавшее своей красотой. Фиолетово-голубые бутоны мерцали в утреннем свете, собранные в гроздья. Каждый цветок напоминал маленький колокольчик. Ветер касался лепестков, и они звенели, наполняя воздух мелодией, похожей на перезвон хрустальных капель.

Листья были ажурными и тонкими, с изумрудным оттенком. Они дрожали от каждого дуновения, оттеняя лавандовое сияние цветов. Юноша замер, не в силах отвести взгляд. Такого зрелища он не ожидал увидеть в таком месте.

Самое волшебное началось, когда дерево ожило. Несколько бутонов, словно подчиняясь незримому ритуалу, отделились от ветвей и закружились в воздухе, подобно фиолетовым снежинкам. Они опускались медленно и, украсив макушку юноши, создали живую диадему из лепестков.

Красота этого дерева перехватила ему дыхание. Он мог поклясться, что не видел ничего прекраснее… но что-то в нём уже узнавало это чудо.

В заточении книги оставались единственными спутниками, когда мир для него затихал, а он оставался наедине с чернильными строчками. Он перечитывал их снова и снова, пока слова не въедались в сознание. Особенно увлекательными были те, что тайком вынесены из архивов Ордена и спрятаны внутри матраса, а позже возвращены на место так, что никто не заметил пропажи.

Среди них была и та — потрёпанная, пахнущая плесенью книга с полуразвалившимся переплётом. «Растения Апланского леса». На одной из страниц, испачканной пятнами воска и кляксами, он когда-то наткнулся на описание. Жакаранда — древо желаний.

«…фиалковое сияние в чаще, чьи лепестки звенят, как колокольчики фей… исчезло в год Великой Засухи, унеся с собой благословение леса…»

И вот оно здесь, перед ним… Настоящее… Лепестки падали на его ладони, оставляя на коже лёгкое жжение — будто прикосновение магии, забытой миром.

Пальцы, дрожащие от волнения, потянулись к стволу, но замерли в сантиметре от коры, будто боялись осквернить его. И наконец осмелились коснуться.

Тепло…

Он ахнул: под ладонью дерево пульсировало, как настоящее сердце. Удары расходились волнами по коре — то ли кровью, то ли чем-то волшебным, заменявшим ему соки.

И тогда… голоса.

Сначала шёпот, едва отличимый от звона лепестков. А потом голоса детей прорвались сквозь древесную плоть — не весёлый гомон, а приглушённые крики, полные ужаса:

— Помоги нам… пожалуйста!

— Здесь темно… так темно…

— Не оставляй нас здесь!

Юноша прижался к стволу, и правда обожгла сознание: голоса не были воспоминаниями. Они лились изнутри, будто дерево вобрало в себя каждый крик, всхлип, что когда-то звучал под его кроной.

Ветви содрогнулись, и с них дождём посыпались лепестки, превращаясь в фиолетовые слёзы у его ног. Каждый бутон, падая на землю, шептал:

— Освободи нас всех. Дай нам уйти…

Дерево звало на помощь.

А потом дерево задрожало — будто под корой билось не сердце, а заточённая жизнь, молящая о свободе. Ладонь внезапно прилипла к коре, словно дерево вцепилось в него. Из ствола выступила смола цвета крови.

Голоса завопили в унисон:

— Она идёт! Скорее прячьтесь!

Он отдёрнул руку и рухнул в ковёр из опавших лепестков. Голоса тут же оборвались, и фиолетовые «слёзы» превратились в обычные колокольчики. В ушах всё ещё звенел детский плач, хотя тишина уже стала абсолютной. Лепестки под ним истлели в труху, будто дерево лишилось магии.

И тут его ослепило яркое сияние. Он зажмурился, а когда открыл глаза, увидел девочку на верхушке дерева.

Она сидела, свесив ноги в белых чулках. Её воздушное платье с кружевными манжетами колыхалось в такт лёгкому ветру. Одна рука с тонкими, мертвенно-бледными пальцами придерживала ветку, пока другая медленно расправляла прядь длинных волос. Белых...

Не старческой седины, а первозданной белизны — словно они были сотканы из лунного света. Всё в ней было белым и невесомым — если бы не одно контрастное пятно: играющая огоньками заколка-бабочка, приковывающая взгляд. Её изумрудные крылья переливались, словно живые, при каждом повороте головы.

На первый взгляд девушка казалась его ровесницей, но улыбка выдавала в ней что-то недетское. Она закинула ногу на ногу и поправила складки платья. Её взгляд был настолько пристальным, что юноше показалось: она знает его давно.

Он не мог пошевелиться. Не от страха — от ошеломляющей красоты. Кожа светилась перламутром, а губы были чуть тронуты румянцем, как лепестки чайной розы.

Но больше всего завораживали глаза. Сердце юноши учащённо забилось — перед ним сидела незнакомка, и всё же первая мысль, дикая и необъяснимая, пронзила сознание: Арса? Вряд ли…

Его взгляд скользнул к заколке в её волосах — изумрудной бабочке, чьи крылья до сих пор переливались знакомым светом. Где-то он видел этот узор. Не в детстве и не в обрывках прошлого, а после… Чутьё, натянутое, как тетива, шептало: спроси — и получишь ответы.

— Привет… Ты знаешь, где мы? Я пытаюсь понять, что вообще происходит. И почему-то мне кажется, что я тебя уже видел, — его голос прозвучал неестественно громко.

Девушка не ответила — она только наклонила голову. В жесте чувствовалась странная театральность — будто играла роль слушателя в заученной пьесе.

— Меня зовут Лайнес, а тебя? — он сделал шаг, и ветер внезапно сорвал с дерева дождь лепестков. Фиолетовые пятна закружились между ними, как печать молчания.

Девушка замерла. Её пальцы впились в кору, но сама она не дрогнула ни от ветра, ни от его слов. Лайнес чувствовал: это было не просто молчание. Это испытание, в котором у него не было ни единого шанса.

Ни румянца, ни дрожи, ни эмоций. Только натянутая, как маска, улыбка. А ещё глаза.

Они вобрали в себя ужасы этого места. Бездонные, они казались дверьми, за которыми скрывалось либо ничто, либо слишком много всего. Лайнесу стало дурно: в них он увидел века одиночества, забытые могилы и нарушенные клятвы.

И тогда — движение. Она медленно приподнялась и вытянула руку. Палец указал куда-то за деревья. Лайнес проследил за её жестом, будто его взгляд скользил по невидимой нити, уходящей во тьму.

Его зрачки сузились, сердце пропустило удар, а в висках застучало: «Нет. Только не туда. Не сейчас».

Вдали проступил силуэт — башня-темница, словно зуб, вросший в плоть мироздания. Она тянулась в поднебесье, а её стены из чёрного базальта впитали столько страданий, что камень пошёл трещинами. Её форма была противоестественной: сужаясь кверху, башня скручивалась в спираль.

Нижняя часть башни была слепой — только гладкие стены, отполированные ветром и временем до зеркального блеска. Лишь наверху, под самым сводом, чернела узкая бойница — единственный глаз, глядящий на эту землю.

Вход зиял в основании, как провал. Врата цвета запёкшейся крови стояли приоткрытыми — ровно настолько, чтобы возникла мысль: «Ты можешь войти, но сможешь ли выйти?» Над аркой, почти стёртая дождями, виднелась надпись: «Здесь время умирает».

Холмы за башней, утопавшие в тумане, оставались нетронутыми — не потому, что были неприступны, а потому, что никто не решался даже приблизиться к этому проклятому месту.

Темница стояла так долго, что даже земля под ней забыла, когда впервые впитала её тень. Веками она перемалывала время, как жернова перемалывают кости, пока от всех камер не осталась лишь последняя. Та, что скрывалась на самом верху этого каменного чудовища. Одиночка. Самое страшное наказание в королевстве, страшнее виселицы и горящих кольев. Ибо знали: смерть — это милосердие по сравнению с этим местом.

Башня не убивала. Она лишь оставляла тело в кромешной тьме, где не было даже крыс для компании. Дыхание становилось пыткой, а мысли — самыми жестокими мучителями. Стены помнили, как узники начинали разговаривать с тенями. И те отвечали…

— Судом признано: убийство по неосторожности, — слова распорядителя разнеслись под сводами судилища. Помощник настоятеля развернул пергамент с сургучной печатью и продолжил мерным, безжизненным голосом:

— В силу малолетнего возраста и халатности утрачена человеческая жизнь. Установлено — смерть наступила от проникающего ранения грудной клетки острым предметом, которым признана ветвь, торчавшая из земли.

Суд постановляет:

— пожизненный запрет на принятие рыцарских и иных почётных титулов;

— ежесуточное заточение в башенной темнице от заката до рассвета;

— допуск к обучению в Святом Ордене с ограничениями: без включения в анналы, без права на командные должности; с обязательством пожизненной службы на передовой.

— Отныне вы, Лайнес, существуете вне скрижалей славы. Путь искупления лежит через кровь и забвение. Приговор исполняется незамедлительно.

Одним поступком Лайнес подписал себе приговор. От заката до рассвета — в каменном чреве башни. Но заточением наказание не ограничилось — в день преступления он лишился

памяти. Пришёл в себя он только в зале суда, когда эхо приговора уже врезалось в стены. С тех пор его день начинался с попыток собрать расколовшиеся частички памяти, будто прах сгоревшего письма. Имя своё он помнил, но теперь оно звучало как кличка преступника.

Вспомнить… Как это было? Толчок. Смех, обернувшийся хрустом. Ветка — не просто палка, а копьё судьбы, торчавшее из земли точно там, куда она упала. Её ситцевое платье, всегда такое чистое, будто только что выстиранное в горном ручье, — как оно вмиг стало алым.

Её глаза — тёмные, карие или другого цвета. Всегда живые, полные любопытства — как они вдруг застыли, отражая небо, которого она больше никогда не видела. «Так это было?» — терзался он, вновь и вновь перекручивая этот момент в голове. Но в ответ — лишь пелена, застилающая всё.

Но истинный ужас крылся в ином — память украла даже её образ. Ни глаз, ни улыбки… Ни имени… До этого оно лишь вертелось где-то на краю сознания, не складываясь в звук. Иногда ночью, в своей камере, он просыпался с уверенностью, что вот-вот поймает его. Но все попытки разбивались о каменный свод.

И только сейчас впервые сорвалось с губ — сначала обрывком, а затем целиком: Арса.

Родители существовали в его сознании как тени: без лиц и голосов. Лишь факты, которые он собирал по крупицам: отец — рыцарь королевства, некогда стоявший плечом к плечу с Лордом Дэйфом; мать — наставница, учившая в норнах будущих рыцарей выводить буквы. Они погибли, защищая королевство от оркских набегов, — их жертва даровала сыну место в Святом Ордене.

В один из дней глава Ордена вручил ему наследство — два предмета, оставшихся от его родителей. Первый — кулон с миниатюрным замком, который невозможно было открыть без ключа, а его содержимое оставалось загадкой. Кулон помещался в ладони — серебряный овал с выгравированными виньетками. Лайнес знал, что кулон открывается — стоило задеть замок, и тот отзывался тихим щелчком. Но ключа в наследстве не оказалось.

Поднося кулон к свету, он замечал: замочная скважина неестественно мала, а внутри что-то шелестело. Ржавчина уже уничтожила половину инициалов на потускневшей оборотной стороне. Он мог бы взломать его, но боялся испортить содержимое. А если внутри — то, что могло пролить свет на прошлое? Лучше носить этот запечатанный груз на шее, пока не придёт время.

Второй — старинная музыкальная шкатулка. Она была маленькой, умещалась в ладони, будто созданная для детских рук. Деревянный корпус, потемневший от времени, украшали резные виноградные лозы — часть из них уже стёрлась от частых прикосновений.

Крышка открывалась с тихим скрипом, обнажая потускневшее зеркальце. Когда Лайнес заводил механизм, шкатулка начинала играть грустную мелодию — ту самую, что, казалось, знала больше, чем он сам. Звуки были хрустальными, но с трещинкой, будто кто-то когда-то уронил её, и теперь одна-две ноты звучали чуть фальшиво.

Перед сном Лайнес слушал её и представлял себя невольным зрителем: тени принимали очертания женщины с пергаментом и мужчины в доспехах. Они приближались друг к другу и кружились в танце под музыку. Когда мелодия затихала, образы рассыпались, как песок. И тогда он засыпал, не сводя взгляда со шкатулки до последнего, словно боялся, что и этот момент забудется к утру.

Лайнес, стоявший как вкопанный, начал приходить в себя. Его взгляд ещё был прикован к башне, волосы трепал усилившийся ветер. Он посмотрел на девушку. Она не двигалась — рука по-прежнему указывала на башню.

И вот она пришла в движение. Ладонь легла на талию, и воздух вокруг неё загудел. Вихрь подхватил бутоны, сорвал с ветвей обломки и закружил их в стремительном танце. Девушка же оставалась на ветке совершенно невозмутимой.

Лайнес не мог отвести от неё глаз. Ветер усиливался с каждой секундой, швыряя в лицо пыль и щепки. Он прикрыл голову руками, едва удерживаясь на ногах.

И тут — тх!

Первая ветка вонзилась в землю. Вторая, словно выпущенная стрела, вонзилась в землю в нескольких сантиметрах от его босой ноги.

Зловещий отголосок той смерти.

— Прости… Пожалуйста, прости меня. — Он рухнул на колени. — Я не помню, как это произошло… Знаю — моему поступку нет прощения.

Слёзы катились по его лицу. Пальцы впились в землю, забивая грязь под ногти.

— Столько раз я проклинал себя за то, что сделал… Тот день… он должен был кончиться иначе.

Он замолчал. Потом заговорил едва слышно, не поднимая глаз:

— Сколько молитв я послал… сколько раз просил небеса дать мне шанс извиниться… И вот ты здесь… Но мои слова ничего не вернут. Я не прошу простить… Просто… хочу, чтобы ты знала… Я не хотел… Не хотел…

Слова утонули в рыдании. Он больше не мог говорить и лишь шевелил губами, повторяя:

— Прости меня… пожалуйста…

Буря стихла. Ветер ослаб, лепестки и обломки веток медленно опустились на землю.

Девушка подалась вперёд и спустилась с ветки, будто воздух помогал ей. Подол одежды колыхнулся, а ноги остановились в сантиметре над землёй. Пространство завибрировало, и неведомая сила мягко подняла юношу с колен.

Она улыбнулась. В её улыбке было тепло первого солнечного луча, пробившегося сквозь зимние тучи. Она поклонилась, а затем шагнула прямо на него.

Лайнес инстинктивно зажмурился, ожидая столкновения. Но почувствовал лишь лёгкое дуновение. Тёплое. Пахнущее лесными травами.

Когда он открыл глаза, девушка была позади. Её призрачный силуэт растворялся среди деревьев, пока наконец не исчез в зелёных сумерках.

Лайнес ещё несколько мгновений смотрел ей вслед, не в силах пошевелиться. Девушка уходила всё глубже в лес, пока её белый силуэт не растворился среди деревьев. Только тогда он почувствовал что-то в своих ладонях. Он разжал пальцы — и сердце замерло. На ладони лежала заколка в виде бабочки.

Тончайшие крылья переливались, будто сотканы из утренней росы и солнечных лучей. Он чувствовал нутром, что эта вещь важна, но почему девушка решила отдать её, оставалось загадкой.

Помимо заколки, на ноге снова плотно сидел ботинок. Тот самый, что поглотила трясина. Ботинок и заколка были единственными доказательствами того, что он не сошёл с ума. Или, наоборот, неопровержимыми уликами его безумия.

Не раздумывая, Лайнес рванул следом в лес, туда, где только что пропал её белый силуэт. Он не разбирал дороги и не думал, куда приведёт его этот путь.

С каждым шагом тени сгущались сильнее, обволакивая лес сизым маревом, но он не мог остановиться. Внезапно между стволами мелькнул край её платья.

Лайнес ускорился.

Ноги вязли во мху, ветки хлестали по лицу. Он бежал, с каждым шагом чувствуя, как лес смыкается за спиной, будто пытаясь отрезать путь назад.

— Подожди! — его голос сорвался в шёпот, потерянный в шелесте листвы.

Он продолжал идти. Там, впереди, таились ответы, которые он отчаянно искал. Лайнес замедлился, оглядываясь по сторонам. Деревья, ещё недавно такие знакомые, теперь стояли стеной, их ветви сплетались в узор, который он не мог прочесть.

«Где же тропа?» — пронеслось в голове. Но тропы не было. Вместо неё мох под ногами, мягкий и коварный, поглощающий шаги, словно лес хотел стереть следы его присутствия. Он резко развернулся, пытаясь сориентироваться по солнцу, но небо было затянуто пеленой листвы. «Надо идти в одну сторону», — убеждал он себя.

С каждой минутой лес становился всё гуще, а тени — длиннее. Стволы начали сливаться в полосы, мешая глазу зацепиться за ориентир. «Я же был здесь… или нет?» И тогда Лайнес понял: он заблудился.

Первые капли дождя упали на землю. А затем погода переменилась в один миг — дождь хлынул сплошной стеной. Лайнес пригнулся, озираясь в поисках укрытия, но было поздно: дождь усиливался с каждой секундой.

И тогда он почувствовал, как заколка тает — не ломается, а теряет форму. Тонкий металл, ещё секунду назад такой твёрдый, струился между пальцев. Контуры заколки расплывались, крылья теряли чёткость, превращаясь в вязкую массу.

— Нет… — прошептал он, подставляя вторую ладонь, чтобы не дать заколке стечь на землю. Но та лишь тянулась между пальцами, оставляя на коже изумрудные следы. Он сжал пальцы, но удержать было уже нечего. Когда очередная капля ударила по ладони, её остатки всё же стекли на землю, смешиваясь с лужей под ногами.

И тут раздался голос. Он шёл не извне — он струился из воздуха, созданный из шелеста листьев, скрипа сучьев и ропота корней. Голос звучал везде и нигде, обволакивая Лайнеса ледяным туманом.

— Ты… — голос просочился сквозь листву, и ветви вокруг сомкнулись теснее. — Чужой. Ты топчешь мхи. Ты рвёшь паутины. Ты вдыхаешь то, что тебе не принадлежит. — Слова звучали суровее, чем зимний голод волка.

Наступила пауза — казалось, сам лес затаил дыхание. Впереди тени сгустились, обретая очертания высокой фигуры с глазами-трещинами.

— Похитил! Взял то, что тебе не принадлежит, — голос стал резким, как удар топора. — Говори, зачем ты это сделал. Говори! Или твои кости поведают мне правду.

— Я… я ничего не крал! — вымолвил он, поднимая пустые ладони. — Я шёл за… за девушкой. Но она исчезла, а я…

Слова застряли в горле. Он продолжил — сбивчиво, почти по-детски, как перед тем, кто сильнее и старше:

— Я не хотел тревожить ваш лес. Не хотел! Но она… она направилась сюда. Возможно, она хотела мне показать что-то. Что-то важное. Но, кажется… — взгляд упал на блестящие следы от заколки на своей руке, — кажется, я ошибся.

Воздух внезапно перестал дрожать. Даже дождь замер, зависнув в воздухе серебристыми иглами. Голос, недавно ледяной, теперь звучал… разочарованно. Тени шевельнулись, будто лес прищурился.

— Я чувствую в тебе искренность. Ту, что когда-то была в нём, — шёпот листьев стал громче, словно вспоминая кого-то. — Ты не тот, кто мне нужен. Ты не он…

Где-то в глубине чащи хрустнула ветка, будто невидимый великан переступил с ноги на ногу. Голос вдруг приблизился, став теплее и опаснее одновременно.

— В тебе есть сомнение, я чувствую его… А в нём его не было. Оно живёт глубоко в тебе, как червь в спелом яблоке. Скажи, ты ведь хотел потеряться здесь, не так ли?

Лайнес почувствовал, как под его ступнями зашевелился мох.

— Ты искал в этом лесу не её, а клетку для собственного сердца. Или ты отрицаешь это?

Лайнес вскинул голову, и дождь стекал по его лицу, как слёзы.

— Да! Вы правы… — голос сорвался на хрип. — Я бы отдал всё, чтобы раствориться в глубине этого леса. Чтобы следы заросли мхом, а ветер унёс даже память обо мне. Чтобы

больше… — он глубоко вдохнул, будто перед прыжком в пропасть, — чтобы больше никому не навредить.

Руки его сжались и задрожали.

— Но я не могу. Даже если лес станет мне могилой, моё сердце — упрямый камень. Оно тянет меня обратно. К башне. К моему приговору.

Внезапно он рассмеялся — горько и коротко, как треск ломающейся ветви.

— Так что я не могу остаться, уж простите. Я всё равно буду идти, а если лишусь ног — ползти. Пока дышу. Пока не услышу её голос: «Я тебя прощаю».

Лес затих. Даже листья перестали шевелиться, вслушиваясь. А когда голос вернулся, он стал тише — будто лес решил выслушать до конца.

— За многовековую жизнь я не встречал человека, схожего с тобой… Ты мне нравишься, мальчик. Твои слова отличаются от слов тех, кто приходил ко мне до тебя.

Тени деревьев дрогнули.

— В твоих словах — правда. Чистая, как родниковая вода. Но… — воздух сгустился вокруг юноши, будто невидимые пальцы пробовали его на ощупь, — где-то в них прячется ложь. Ложь, о которой ты не подозреваешь.

— Мой взор не способен её разглядеть. Я чувствую её, но не вижу. Она ещё не проросла. Семя. Тёмное семя, которое кто-то посадил в тебя. Я вижу суть, но не то, что скрыто за ней. Придёт время — и ты сам прозреешь. Или не прозреешь. Это уже будет зависеть от тебя.

Наступила пауза. Как будто лес ждал, что Лайнес что-то скажет. Но Лайнес молчал.

— Вот тебе один совет, мальчик. Зло и добро — не всегда то, чем кажутся. Иногда они меняются местами так незаметно, что даже мудрец не разглядит подмены.

Голос существа стал тише, словно удалялся.

— Моё время… на исходе. Ты был честен со мной. А это… редкость для человека. Люди приходят в лес с ложью на устах и огнём в руках. Ты пришёл с пустыми руками и открытым сердцем. За это — я помогу тебе.

Прямо перед Лайнесом зажглось золотистое сияние. Из пустоты соткался светлячок — размером со спелое яблоко, и внутри него билось крошечное солнце.

— Иди за ним, — прошептало существо.

Голос его шёл со всех сторон сразу.

— Он выведет тебя… куда тебе нужно.

Светлячок дрогнул и поплыл вперёд. Лайнес шагнул следом — и лес тотчас сомкнулся за спиной. Тернии хватали за руки, будто пытались удержать, но он не сводил глаз с огонька. Тот плыл ровно, не спеша, и всё же уходил вперёд — на полшага, на шаг, на два.

— Постой… — горло пересохло, и слово вышло хриплым.

Светлячок не обернулся. Только дрогнул — как будто услышал.

Лайнес перешагнул через корень, споткнулся, выровнялся.

— Зачем помогаешь мне, если чувствуешь, что во мне семя лжи?

Огонёк плыл, не сбавляя хода, и это молчание жгло сильнее любого ответа.

— Что это за место?! — крик сорвался сам, громче, чем он хотел. — Я не помню, как сюда попал. Это сон? Или…

— Ответь!

В голосе уже не было злости. Только отчаяние — и, может быть, страх услышать ответ.

Светлячок остановился. Свет его дрогнул — раз, другой, — и погас.

Лайнес замер. Перед ним земля обрывалась. Он подошёл к краю — и увидел котловину. Мгла затянула её до самого дна, и там, в чёрной глубине, проступила башня. Та самая. Она стояла так, будто ждала его всё это время.

Голос пронёсся сквозь мысли — не звук, а эхо, отдающееся в висках:

— Моё имя — Волоус. Я — Хранитель этого леса. Его память и его воля. Всё, что дышит под моей сенью, подвластно мне.

Лес затаился.

— А ответы на свои вопросы… — голос стал тише, словно уходил в глубину корней, — ты должен найти сам.

Светлячка больше не было. Башня ждала.

Лайнес сделал шаг. Потом ещё один. Чёрный базальт приближался — и с каждым шагом он видел, как стены дышат, в такт его собственному сердцу. Расширяются. Сжимаются. Как будто башня чувствовала его приближение и уже догадывалась, зачем он пришёл.

И тогда он увидел надпись.

«Здесь время…» — а дальше камень был гладким. Слово «умирает» стёрлось, будто само не пожелало остаться. Только шероховатый след — там, где оно было.

Над надписью, на выступе, застыл филин.

Он был слишком большим. Чёрным, как сажа, — так, что сливался с камнем. Если бы не глаза. Два жёлтых огня в полумраке. Не мигали. Смотрели.

В его когтях что-то шевелилось. Нечто, что уже не могло быть живым, но ещё не стало мёртвым — застрявшее на пороге, словно вырванное из круговорота вечности. Длинное, гибкое тело, покрытое чешуйками, утратившими цвет. Кончик был оторван, будто отгрызен, а там, где должна была находиться голова, зияла рана — разорванная изнутри.

Но тревожило Лайнеса другое: филин смотрел на него, будто ждал. Чем ближе подходил юноша, тем более пугающими становились движения птицы. Сначала её голова дёрнулась вперёд, словно на невидимых нитях, затем повернулась на девяносто градусов, будто шея состояла не из костей, а из перекрученного металла. А когда Лайнес оказался у самого входа, она развернулась — на полные сто восемьдесят градусов.

Само его присутствие здесь было странным. Птицы сторонились башни. Лишь изредка кружили вороны, да и те долго не задерживались, чуя неладное. Но чтобы филин… чтобы он сидел прямо на чёрных плитах — такого не случалось никогда.

Лайнес затаил дыхание, проходя мимо. Филин не шелохнулся. Только огромные жёлтые глаза провожали юношу — они знали что-то, чего не знал он сам. Предвестник… но чего?

Глаз с филина он так и не свёл. Переступил порог — и тишина за спиной сомкнулась. Воздух внутри был гуще и тяжелее обычного. Столетия пыли и молчания спрессовались в невидимую пелену. Каждый вдох давался тяжело, а шаги глухо тонули в камне.

Слева от входа поднималась лестница. Те же базальтовые ступени — отполированные до блеска его собственными шагами. Узкие настолько, что ступня вставала только боком.

Перила походили на окаменевшую лаву — пузырчатую, неровную, будто застывшую в момент, когда она ещё текла. Спираль уводила вверх, и через каждые двадцать ступеней её прерывала площадка. Потом снова ступени. И снова площадка.

Справа от входа находился пост стражи — массивная дубовая стойка. За ней уходила вниз каменная лестница, ведущая в подвальную оружейную — сводчатый зал, где на стенах висели мечи, щиты с потёртой кожей и доспехи, хранящие вмятины былых сражений.

Стражники на пост заступали по двое: главный стражник и помощник. Дежурили в две смены — одна пара по чётным дням, другая по нечётным. На поясе главного всегда висела связка из трёх ключей.

Первый, от комнаты Лайнеса, ежедневно переходил из рук в руки: утром его забирали, вечером возвращали под росчерк в журнале. Второй ключ, от оружейной, доставали только для проверки арсенала — в других целях он не требовался.

Третий ключ, от входа в башню, был не похож на остальные: его головка напоминала оскаленную морду волка, а длинный стержень заканчивался раздвоенным кончиком, как змеиный язык. Кто и зачем сделал его таким — оставалось загадкой.

Правила для стражи были просты: записывать время прихода и ухода Лайнеса и никогда не подниматься выше пятого этажа. Почему? Никто не знал. Но приказы не обсуждают.

Что удивительнее всего, с годами стража прониклась симпатией к заключённому. Лайнес не буянил, не хамил, не пытался сбежать. Он тихо приходил и уходил, будто сам осознавал тяжесть своего преступления.

Со временем взгляды стали мягче, кивки — приветливее, а там и до слов дошло. Сначала стражники бурчали «Добрый день» себе под нос. Потом начали спрашивать, как прошёл день. Иногда делились завтраком — куском хлеба с сыром, — словно перед ними стоял не убийца, а сосед.

Но это было не всё, что встречало гостей на первом этаже. Переступив порог, любой оказывался под королевским взглядом. Прямо напротив входа во всю стену висела картина — монументальная, как и сам изображённый на ней король. Казалось, края картины вот-вот треснут под тяжестью этого образа.

Жезл в его руке больше напоминал посох могучего мага, чем королевский атрибут. Рубин на его вершине пульсировал кровавым светом, будто в нём билось настоящее сердце. Седая борода, подстриженная, как ворох серебряных игл, скрывала один из шрамов. Второй — клеймо войны — будто напоминал, что смерть когда-то коснулась его и отступила.

Но самым пугающим были глаза. Даже сквозь краску они пылали. Художник наделил их цветом расплавленного железа — не тем, каким они были в жизни, а тем, каким виделась его власть. Суженные в щёлки, они сверлили каждого, кто осмеливался войти в башню. В них не было ни милосердия, ни сомнений — только приказ, выжженный в душу: «Ты здесь по моей воле».

На голове красовалась корона: тёмная бронза, зубцы, как кинжалы, а на них сверкали рубины, сапфиры и изумруды. Наверху, где сходились дуги, сиял церковный крест. Даже на полотне она была тяжёлой. Не украшением — знаком власти, от которой не укрыться.

Глаза короля на портрете встретили Лайнеса тяжёлым взглядом. Он застыл, глядя на картину, и мысли начали тонуть в хаосе. Опушка… Как он там оказался? Девушка — Арса ли она? Почему молчала? А Хранитель… что он имел в виду, говоря о краже? И Волоус… он впервые слышал это имя. Уверен, нигде о нём не упоминалось.

Лайнес стиснул виски. И вдруг — дрожь. Она началась в груди, переросла в спазмы, и вот уже колени подкашиваются, пальцы цепенеют, а в ушах рёв, как перед бурей. Тишина давила… Он выдохнул — и только тогда понял, что спросил вслух:

— Почему… меня никто не встретил?

Голос отразился от стен и затерялся в тишине. Пустота на этаже была неестественной — ни шагов, ни скрипа доспехов, ни привычного звона ключей. Только портрет… только взгляд и тишина, густая, как смола. Пыль на стойке, похожая на пепел забытого костра, да свеча с наполовину оплывшим воском.

На улице тьма пожирала свет — не постепенно, а одним махом, словно небо захлопнули, как книгу. Шорох… Прямо за спиной. Юноша обернулся. Краем глаза он уловил, как что-то за порогом дрогнуло.

— Эрик? Лик? Это вы?

Голос упал в тишину. Ответом был лишь вой ветра, что пробирался сквозь щели. Юноша выглянул на улицу, но дальше собственного носа разглядеть ничего не смог. И филин исчез — словно растворился вместе с остатками дня.

Он шагнул обратно и остановился. И услышал… Шаги… где-то выше — на третьем или четвёртом этаже. Размеренные и громкие. Будто кто-то специально давал о себе знать, чтобы Лайнес пошёл следом. Звук манил, и он поддался.

Лестница, ведущая наверх, освещалась на каждом пролёте лишь одним светильником. Их огни мерцали, будто перебегая с этажа на этаж. Одни ещё хранили тепло, другие потухли навеки.

Лайнес застыл у подножия, вглядываясь в полосу света, что дрожала на ступенях. Этого мало… слишком мало. Тени сгущались между пролётами, сплетая паутину мрака. Он сжал перила, но так и не решился шагнуть вперёд.

— Нужен огонь… — прошептал он и отступил к стойке, где лежала свеча — кривая, с оплывшим воском, застывшим, подобно слезе. Фитиль торчал коротким хвостиком.

Лайнес взял свечу и поднёс её к светильнику, что освещал первый этаж. Первая попытка: светильник лизнул фитиль, но огня не дал. Вторая — воск зашипел, запахло гарью. И только на третий раз фитиль задымился и вспыхнул. Он обмотал свечу обрывками портянок, когда-то белых, как рыцарские штандарты, а теперь посеревших. Факел вышел неказистым, зато свет давал исправно.

Тень факела заметалась по стенам, когда Лайнес ступил на ступень. Камень заскрипел под его ботинком — звук знакомый, почти родной. Но уже на третьем шаге эхо вернулось искажённым, будто лестница нарочно коверкала шаги. Трещины, которых раньше не было, теперь казались мелочью на фоне остальных странностей.

Этажи менялись, как страницы испорченного дневника: на втором, где должны висеть четыре светильника, темнели лишь три пустых ниши — четвёртая испарилась. Третий этаж встретил полумраком: из трёх ниш остались только две. И такие несостыковки повторялись на каждом уровне.

Когда он проходил мимо лестничных площадок, веками остававшихся серыми, те теперь отливали синевой — гладкие, будто их вымыли водой из подземного озера.

Он поднимался выше, стараясь не замечать аномалий. Оставив позади четвёртый этаж, Лайнес насторожился: его охватило странное предчувствие. Подняв над собой факел, он вгляделся в зыбкий полумрак.

И тогда — скрип.

Чёткий, металлический, будто ржавые петли двери на десятом этаже вздохнули после долгого сна. Двери его комнаты.

Сердце рванулось в горло, с каждым ударом отдаваясь в висках. Он сглотнул ком страха и шагнул дальше, считая:

— Пятый… Шестой… Почти…

Слова падали в тишину, как камни в колодец. Запах внезапно сменился ладаном — будто где-то рядом зажгли погребальные свечи.

Пламя факела дрогнуло, словно испугавшись чего-то, и стало стремительно угасать. Огонь съёжился до жалкого язычка, едва освещающего ступени под ногами. Лайнес прижал основание факела к груди — и в этот миг тьма поглотила всё.

Однако перед тем, как свет окончательно угас, Лайнес всё же успел заметить её.

Тень… не просто отсутствие света, а нечто живое, скользнувшее по стене. Она перетекла через перила, извилась вверх, и в тот же миг все светильники на верхних этажах погасли. Будто сама тьма пришла в движение.

Юноша стоял, парализованный ужасом. Рот пересох. Слова не шли. «Это не может быть реальным», — пронеслось в голове, когда дыхание наконец вернулось.

Воображение… Это только моё воображение.

Лайнес не верил в призраков.

«Мёртвые не возвращаются, — твердил он, — а уж тем более не бродят по лестницам. Если бы магия могла вдохнуть жизнь в прах, давно бы уже воскресили королей прошлого».

Но он видел девушку, скользящую меж деревьев. Она была слишком реальной, чтобы оказаться иллюзией. И всё же… призраки? Нет. Только не они.

Стоя перед зияющей чернотой лестничного пролёта, он усомнился в собственной логике. Идти вперёд? В этот густой, почти осязаемый мрак, где каждый шаг отзывался эхом, будто кто-то тут же повторял его за спиной?

Лайнес не был трусом — он не раз проходил через тяжёлые тренировки и сталкивался с настоящей опасностью. Но это… Это было иное.

— Лик! Эрик! Это вы наверху?

Только эхо повторило его вопрос, исказив голос до неузнаваемости. Лайнес сжал в руках то, что осталось от факела, и крикнул громче — может, они не расслышали? Но в ответ был лишь скрип ступеней под ногами.

И тут что-то мягкое и пушистое шмыгнуло у его ботинка. Сердце ухнуло в пятки, прежде чем разум успел сообразить: не чудовище. Лишь хомяк — маленький комок паники. Зверёк столкнулся с ногой, взвизгнул и кубарем покатился вниз по лестнице, словно мячик.

Лайнес недоумённо наблюдал, как пушистая молния исчезает в темноте. «Значит, я не один в этой проклятой башне. Но если даже хомяки тут сходят с ума от страха… может, мне последовать его примеру и вернуться вниз? Надо быть глупцом, чтобы идти в камеру, когда судьба против. Дождусь стражу внизу, нежели буду подниматься наощупь». Он развернулся и направился на первый этаж.

Спустившись вниз в надежде, что кто-то из стражи появится, он стал ждать. Пять минут. Десять. Пятнадцать, если верить внутреннему ощущению времени. И тут он осознал, что кое-что изменилось. Звуки, прежде преследовавшие его, испарились: ни шагов, ни скрипов, ни привычного завывания ветра. Только тишина, давящая, как тяжёлое покрывало.

Лайнес стал осматриваться с методичной тщательностью, будто разгадывая ребус. После странностей наверху — пропавших светильников, треснувших стен, искажённого эха — он ждал подвоха и здесь.

Пол, перила, стойка с пылью — всё осталось на своих местах. Даже картина не изменила угла. Но именно эта пугающая нормальность заставляла сердце биться быстрее, чем любые трещины на стенах.

Отчаявшись, Лайнес опустился на каменный пол, давая отдых уставшим ногам. Он уже почти смирился — никаких странностей. Пока взгляд не остановился на картине. Кронгал, во всём своём величии: гордый, неумолимый, совершенный. Алые и золотые тона портрета плясали в дрожащем свете факелов. Но что-то было не так…

Лайнес подошёл ближе к портрету. Впервые он по-настоящему вгляделся в лицо короля. Глаза горели изнутри и смотрели прямо сквозь него. «Насколько он силён? Сильнейший ли человек в Араане?» — мелькнуло в голове. А если бы он носил корону? Что бы с ним стало? Как долго продержался бы на троне? Мысли текли сами, без его воли.

Вдруг его пронзило осознание. Шрам. Тот самый, над левой бровью. На портрете он был не на своём месте — он был справа. Картина явно лгала. Рука потянулась к холсту, пальцы дрогнули, коснулись изображённого шрама — и привычный мир исчез.

Голоса… Те самые — хрупкие, как лёд под утренним солнцем, те, что звали его из нутра волшебного дерева. Теперь они шуршали прямо за холстом:

— Помоги нам… пожалуйста! — шёпот, похожий на скрип пергамента.

— Здесь темно… так темно… — словно кто-то задыхался в узком ящике.

— Не оставляй нас здесь! — уже вплотную к его уху.

После этих слов голоса оборвались.

Лайнес прищурился, пытаясь понять, откуда донёсся голос. Осторожно приложил ухо к картине, вслушиваясь в тишину. И тогда заговорил король.

— Что скрывает темнота? — прошипел он, едва шевеля губами. Его голос был низким и старческим, но в глубине хрипа таилось что-то жуткое — будто под человеческим голосом шевелилось другое.

Лайнес резко отшатнулся.

— Какие секреты она хранит? — закончил король.

Холст вздрогнул.

По нему побежали трещины, сначала едва заметные, но с каждым вдохом они ширились, разрезая изображение. Краска на лице короля потемнела, словно её выжигали изнутри. В следующий миг вспыхнула вся картина.

Огонь не вырвался наружу — он пожрал холст изнутри. Краски вспучились, почернели и осыпались пеплом. Золото короны зашипело, рубины на полотне лопнули один за другим, а взгляд короля исчез в огненной дымке. От портрета остался лишь обугленный каркас.

Последние клочья ткани вспыхнули и осыпались на пол. За ними открылась пустота.

Лайнес невольно отступил.

Там, где только что висел портрет, зиял потайной проход — узкий, как дымоход. Вниз уходила старая каменная лестница, теряясь во тьме. Из глубины тянуло холодом, сыростью и чем-то ещё — тяжёлым, чужим.

Внизу Лайнеса встретил коридор — длинный, как глотка хищного зверя. Стены и пол были из мрамора, в котором звук умирал, не успев родиться. Шаги не оставляли эха. Слова вязли в воздухе, пропитанном сыростью и чем-то старым, забытым, но не умершим.

Коридор уходил всё глубже, будто увлекая его в самое чрево земли. Чем дальше он шёл, тем сильнее сжималось горло от ощущения, что кто-то незримо наблюдает, притаившись в самом мраке.

Вскоре коридор оборвался. Он вывел Лайнеса на небольшую площадку, а справа и слева стояли две двери.

Дверь справа выглядела староватой, но не тронутой временем. Чуть выше ручки на ней проступала странная печать — разорванный круг с голодным оскалом внутри. Краска цвета запёкшейся крови местами осыпалась, обнажая серебристые прожилки, похожие на ртуть. Приглядевшись, можно было заметить крохотные отпечатки ладоней, а в узорах древесины — силуэт колыбели с крышкой, раскрытой, как капкан.

Лайнес подошёл к двери. Пальцы уже почти коснулись холодной ручки, когда по всему телу пробежал необъяснимый трепет. Он отвёл руку и повернулся к левой двери.

Левая дверь выглядела настолько обыденно, что в этом месте её просто не могло быть. Добротный дуб, тщательно отшлифованный и покрытый багровым лаком — такая дверь могла вести в дом зажиточного горожанина. Эта нормальность пугала сильнее всего. Слишком человеческой она была среди мрака, который, казалось, ненавидел всё живое.

Его пальцы сжали ручку. Металл был холодным. И всё же казалось, что он ждал этого прикосновения. Дверь поддалась беззвучно, без сопротивления. Он шагнул внутрь.

За дверью оказалась комната — уютная, но безличная. Словно её обживали в спешке или готовили для кого-то, кто так и не пришёл. Ни роскоши, ни излишеств, лишь необходимый минимум, расставленный с казённой аккуратностью.

Письменный стол, придвинутый вплотную к стене, был завален потрёпанными книгами. Между стопками бумаг — перьевая ручка, пузырёк с чернилами и шкатулка.

Единственным источником света был светильник, отбрасывающий неровные блики на стены. Его пламя мерцало, будто боролось с невидимым сквозняком, но комната оставалась странно светлой.

У противоположной стены стоял шкаф. На вешалках висели форменный мундир Ордена с потускневшими нашивками, кожаный доспех для тренировок, несколько простых льняных рубах. Внизу жались пара сапог, стоптанные ботинки и несколько пар сандалий.

И сундук. Окованный железом, с висячим замком — внутри лежали макеты меча и щита. Казалось, только сундук хранил следы частого использования. Это была его комната… «Как такое возможно?» — пронеслось в голове.

И его кровать… Не заправленная, с помятыми простынями, будто кто-то только что встал с неё. На краю, спиной к нему, сидела она — девочка в белом платье.

Лайнес застыл на пороге.

Комната, пропитанная светом, казалась нереальной, как и она, сидящая на кровати с тем же спокойствием, что и на ветке. Он сделал шаг вперёд, но не притронулся к ней, вспоминая, как её фигура растворилась в нём, как касание прошло сквозь.

— Как ты тут оказалась? — голос его дрогнул, выдавая смесь гнева и надежды. — Зачем убежала от меня?

Девочка не шелохнулась.

Лайнес несколько мгновений смотрел на неё, пытаясь понять, кто перед ним — призрак, воспоминание или что-то совсем иное.

— Кто ты такая? Ты Арса или нет? — сказал он, приближаясь к ней.

Девушка повернулась, но не ответила. На её лице светилась горькая улыбка, а в глазах отражалась радость этого момента. В них, казалось, плескалось море тайн — тех самых, что увлекли его в этот проклятый лес.

Внезапно её руки пришли в движение.

Сначала она показала на себя, потом плавно указала на него. Затем девушка развела руки, будто говоря: «Нет смерти». Её пальцы — на этот раз совершенно материальные — грубо схватили Лайнеса за запястье.

Он почувствовал дикий жар и покалывание, но не мог отдёрнуть руку, ошеломлённый тем, как на его коже проявлялась метка. Она охватила запястье, превратившись в подобие волнистого огня. А после ладони девушки сложились вокруг его лица, образуя щит.

Белоснежная ткань платья, некогда символ невинности и покоя, была осквернена в одно мгновение. Красное пятно расползалось по ткани, словно ядовитый цветок, раскрываясь с пугающей быстротой.

Девушка вздрогнула, тело её обмякло. Голова запрокинулась, и из приоткрытых губ на подбородок и грудь выплеснулся тёмный, почти чёрный сгусток крови.

Лайнес замер, отказываясь верить в происходящее. В следующую секунду оцепенение уступило место чистому инстинкту — он подхватил девушку.

Внутри всё кричало: «Нет! Что случилось?!» — но голос не вырвался наружу.

Руки действовали сами, переворачивая её хрупкое тело. Взгляд лихорадочно скользнул туда, где ткань пропиталась кровью. Он разорвал подол платья, открывая рану. Та зловеще зияла, словно вторая улыбка.

Раздался резкий звук рвущейся ткани — и вот уже в его руках болтались белые лоскуты, которые он оторвал и судорожно прижимал к ране. Пальцы дрожали от напряжения, но это было бесполезно. Разрез был слишком глубоким.

На губах выступила алая пена, горло захрипело, забилось в судорожном бульканье. Она перестала кашлять — она тонула в собственной крови. Всё это произошло с нечеловеческой быстротой. Ещё миг назад — улыбка, а теперь взгляд, застекленевший и пустой, уставился в потолок. Тело, только что содрогавшееся в агонии, обмякло, став безжизненным. Лайнес всё ещё сжимал в руках бесполезные лоскуты, не в силах поверить в то, что произошло.

Лайнес уложил её тело на кровать и опустился рядом. Тяжесть произошедшего вдавила его в матрас. Мир сузился до комнаты, до девушки на простынях и до гула в голове. Пальцы впились в виски, сжимая череп, будто пытаясь выдавить ответ. Мысли выстраивались в картину.

«Почему рана ровная?» — вертелось в голове. Палка, сук… Они оставляют рваные раны. Они не режут плоть так…

Логика трещала по швам, и единственной нитью, ведущей к хоть какому-то пониманию, была эта рана. Сжав зубы, подавив рвущийся наружу крик, он склонился над девушкой. Его глаза, привыкшие к виду ран, за считанные секунды подтвердили худшие догадки.

Это был не случайный удар. Не след зверя или несчастного случая. Он часто видел такие раны — длинные, идеально прямые, с ровными, почти оплавленными краями, рассекающие всё на пути. Так может резать только меч в руке мастера. Вопросов становилось всё больше, и каждый новый был страшнее предыдущего.

Едва отступила первая волна ужаса, едва сознание попыталось осмыслить увиденное, как новая реальность начала проступать сквозь стены комнаты.

Сначала это было едва заметным движением на периферии зрения: тень, шелохнувшаяся не так, как должна, — будто у неё была собственная воля. Затем на стене, словно кровавая роса, проступил первый иероглиф. Искривлённый, пляшущий в огненном свете лампы. За ним — другой. Они расползались с чумной скоростью, сплетаясь в узор, не поддающийся пониманию.

Стена из твёрдого камня превращалась в живую, испещрённую письменами безумия. И посреди этого хаоса часть стены вздулась, превратившись в два всепоглощающих ока. Они не отражали свет — они пожирали его. Два мёртвых жёлтых диска, лишённых век и ресниц, полных нечеловеческого равнодушия.

А под ними проступил контур изогнутой, надменной щели, застывшей в гримасе вечной усмешки. Эта щель не шевелилась, но казалось, что вот-вот разорвётся хохотом.

Лайнес попытался закричать. Тело не слушалось — мышцы стали чужими, больше не подчиняясь его воле. Из пересохшего горла не вырвалось ни звука. Лишь безмолвный стон застрял где-то глубоко внутри.

Его сознание, прикованное к жёлтым глазам, не сразу заметило другое движение. Что-то холодное и живое, похожее на щупальце, обвило его лодыжку, затем другую. Хватка поползла вверх, приковывая его к постели.

Матрас под ним перестал быть твёрдым, превратившись в трясину. Его поглощали. Мгла под кроватью разверзлась — холодная, бездонная, затягивающая в свою утробу.

Прямиком во тьму…

***

Лайнес рванулся с постели, будто его дёрнули за невидимую нить. Грудь вздымалась, на лбу и спине выступил липкий холодный пот. Взгляд, острый и испуганный, метнулся к стене — туда, где в кошмаре плясали чудовищные символы и сияли жёлтые глаза. Но стена была пуста. Обыкновенное, заурядное утро пробивалось сквозь ставни бойницы. И осознание: пора собираться в столицу.

«Ну и кошмар… Ну и приснится же такое», — выдохнул он, пытаясь загнать обратно в лёгкие сбежавший воздух. «Надо заканчивать читать рассказы перед сном», — отмахнулся он от наваждения, и на его губах дрогнула нервная усмешка.

Это была жалкая попытка убедить себя, прикрыть рациональным объяснением ту бездну первобытного ужаса, что лишь миг назад сжимала его сердце.

Окончательно в чувства его привёл звон колокола — тот самый, что всегда звонил только для него. Внизу, у подножия башни, его ждала карета. Лайнес схватил вещи и ринулся вниз по ступеням, где у входа его ждали Эрик и Лик. Вид знакомых лиц заставил его выдохнуть с облегчением.

Юноша с болезненной остротой осознал, как рад видеть привычную жизнь: лестницу, покрытую пятнами, светильники на местах, а главное — тёплый солнечный свет, лившийся из входной двери.

И на этой волне облегчения его сознание, словно нарочно, стёрло одну деталь. Ту самую, что висела напротив входа: пылающую величием картину, на которой король неподвижно восседал на троне.

— Привет, Лайнес, кучер ждёт, — произнёс стражник, выводя его из задумчивости. Мир окончательно вернулся в свои обыденные рамки.

Глава 3 Добро пожаловать в Градстоун!

Дверь башни со скрипом отворилась, выпуская наружу одинокую фигуру. Лайнес ступил за порог, и тишина книг осталась позади, а мир наполнился звуками, красками и движением. Это был первый день последнего месяца весны. Воздух, уже не холодный, но и не знойный, мягко обволакивал кожу. Солнце приятно грело спину сквозь ткань.

В атмосфере витало обещание скорого лета. Оно чувствовалось в густом, сладковатом аромате распустившихся цветов, в ленивом жужжании первой пчелы. Прошедший накануне дождь добавил свою ноту: испарения влажного камня смешивались с запахом мокрой земли, создавая пьянящую смесь. Несмотря на влажность, на улице было свежо, и этот контраст — между теплом солнца и прохладой — бодрил и очищал мысли.

Лайнес остановился, вбирая утренний мир. Где-то в глубине сознания родилась мысль, вычитанная из книг: «Новый день — новые возможности». Но едва она возникла, как тут же наткнулась на привычную стену.

Груз долга холодной волной накрыл в одночасье этот зародившийся порыв. Для него этот день, как и все предыдущие, не был чистым листом — он был расписан поминутно. Иногда времени не хватало на то, чтобы успеть пообедать, а о любовных делах и других юношеских увлечениях он даже мечтать не смел. Он поправил рюкзак и направился к карете, оставляя башню позади.

Лайнес был живым воплощением парадокса — со стороны он казался самым заурядным семнадцатилетним парнем, чья внешность выдавала в нём крепкого деревенского юношу. Ростом выше среднего, с широкими плечами и сильными руками, он ничем не выделялся среди сверстников. Ни единой чертой, ни намёком на изъян. До тех пор, пока он не поднимал взгляд.

Его глаза были не просто красивыми — они помнили то, что людям знать не положено. Глубокого, насыщенного зелёного цвета, они словно были выточены из цельного малахита. В их глубине пробегали золотистые прожилки. Они переливались, мерцали, и казалось, что внутри плещется магия, готовая вырваться наружу.

Такими глазами природа одаривает эльфийских воинов — защитников своего народа. Но даже у них этот цвет редко достигал такой завораживающей выразительности.

Эта дарованная красота контрастировала с его шевелюрой. Волосы Лайнеса были цвета пепла или тумана — дымчато-серые, с плавным переходом от приглушённого пепельного у корней к почти белому отливу на кончиках. По скулам и переносице была рассыпана горсть светлых серебристых веснушек, словно следы от прикосновения звёздной пыли.

Если глаза были даром, то волосы стали — клеймом. В Святом Ордене, где царил культ единообразия и светлый считался символом чистоты, его пепельный оттенок выделялся, как ворон среди голубей.

Он уже был преступником, а эта внешняя метка — постоянное напоминание всем вокруг, что он чужой. И этот цвет приносил ему больше проблем, чем все его проступки.

Его секрет был скрыт не во внешности, а в жизненной силе, что пульсировала в нём. Он восстанавливался быстрее — дыхание выравнивалось за минуту, а на месте царапин через час оставалась лишь полоска, которая к утру исчезала. Этот дар был его спасением, позволяя выживать там, где другие ломались. Поэтому поначалу он не боялся оплеух сверстников, обрушившихся на него после приговора.

Неподалёку от башни его ждала карета — вернее, то, что именовалось этим словом. Это была деревянная повозка с потрёпанным холщовым навесом, способным укрыть разве что от краткого дождя. Скрипучие колеса говорили о том, что она изъездила не одну дорогу.

Впряжённая пара лошадей выглядела уставшей, но довольно крепкой. Тавро на лошадях красноречиво предупреждало: эта повозка — собственность Короны. Любой, кто посмеет её остановить, подпишет себе приговор, а любая задержка призовёт вооружённый отряд.

Для Лайнеса время в пути становилось самым ярким событием за день. Всё потому, что лошадьми управлял дядя Мэл — человек, чьё красноречие могло заткнуть за пояс любого сказителя. Монотонная дорога оживала под его голосом, превращаясь в представление. Он делился историями из жизни, приправленными колким юмором и житейской мудростью.

Обращаться к нему следовало так — «дядя Мэл». Королевские титулы и формальности он терпеть не мог. В его повозке все были равны, а главным законом были хорошая история и бодрая беседа, способная скрасить даже самую утомительную дорогу.

Дорога до Градстоуна занимала около часа. Это был не час пути, а час свободы. За долгие годы заточения Лайнес проезжал мимо одних и тех же деревень, полей и перелесков дважды в день. Он знал каждую кочку на дороге, каждый покосившийся сарай на окраине, каждый приметный дуб у развилки — дорогу от башни до столицы мог бы преодолеть с закрытыми глазами.

Лайнес уже мысленно рассказывал дяде Мэлу сон. Мысль вертелась на языке: «Первым делом расскажу ему!»

Предвкушение беседы придало ему лёгкость. Лайнес подошёл к карете, отодвинул полог — и шагнул из одиночества в привычный мир историй. Но там, вместо знакомого лица его ждал оценивающий взгляд незнакомца.

Незнакомец сидел неестественно прямо — такая осанка выдавала в нём военного. Руки в кожаных перчатках были сложены на коленях, а взгляд направлен прямо на него, словно тот был не пассажиром, а объектом наблюдения.

— Здравствуйте, — голос прозвучал чётко и сухо, без намёка на приветливую теплоту, к которой привык Лайнес. — Я ваш новый кучер, Пеголан. Приятно познакомиться.

Лайнес замер на мгновение — его мозг отказывался верить в эту внезапную перемену.

— Здравствуйте, — машинально ответил он. — Я Лайнес. А где… где дядя Мэл?

— Дядя Мэл? А, вы про кучера Мэла? — Пеголан произнёс это так, будто отмахнулся от назойливой мухи. — Он вышел на пенсию. С сегодняшнего дня вашим кучером назначен я. Прошу, располагайтесь. — Пеголан сделал жест в сторону сиденья. — Нас ждут в столице.

Лайнес молча сел в карету. Через миг колёса скрипнули, лошади тронулись, и знакомая башня осталась позади.

Последние слова кучера упали, как камень.

— На пенсию? — переспросил он, пытаясь осознать эту новость. Весь его маленький мир, состоявший из утренних историй и бесед, рухнул в одно мгновение. — Понятно… — с нескрываемой горькой печалью протянул он.

Человек, ставший единственным светом, ушёл без предупреждения.

Глаза Лайнеса, поднятые к небу, были пусты и полны боли.

«Ради чего я живу?» — назойливо билось в голове. «Неужели этот мир настолько жесток и несправедлив, что даже близкие люди уходят, не оставив возможности бросить последнее „прощай“?»

Но следом накатывала вторая мысль, более горькая, заставляя сжаться от одиночества.

«Хотя кого я обманываю?» — усмехнулся он. «Он выполнял работу. Обычный кучер на королевской службе. Вряд ли ему было до меня какое-либо дело. Эти истории, этот смех… всего лишь часть его обязанностей.»

За каретой проплывали поля, но Лайнес больше не наблюдал в них знакомого маршрута. Его взгляд, затуманенный влагой, был прикован к небу. По голубому полотну неторопливо плыли облака: беззаботные, прекрасные в своём спокойствии. И ему казалось, что они тоже отворачиваются от него, уплывают прочь.

Он молча погружался в пучину своих мыслей, всё глубже, пока отравляющая горечь не заполнила собой каждую клетку. Обычный час пути превратился в дорогу скорби. Давящую тишину в карете разрезал голос кучера. Слова, громкие и полные неприкрытого восторга, прозвучали почти кощунственно на фоне отчаяния.

— Сегодня годовщина смерти королевы, — сказал Пеголан, и в его голосе слышалось предвкушение. — Король устраивает пир! Говорят, Легендарный Отряд будет на празднике в полном составе. Кто-то из них даже выступит с речью, а потом сам король появится перед народом. Хорошо, что у меня есть пропуск в столицу! Такое нужно видеть вживую!

Слова «Легендарный Отряд» прозвучали как удар колокола. Лайнес вздрогнул, его спина выпрямилась, а взгляд, ещё секунду назад пустой, внезапно вспыхнул живым интересом. Тоска отступила, сметённая внезапной волной.

— Легендарный Отряд в полном составе? — переспросил он, его голос впервые за всю поездку был лишён прежней апатии. — Лорд Дэйф тоже будет?

— Естественно! — весело отозвался кучер, явно радуясь тому, что его новость нашла слушателя. — Лорд Дэйф, Леди Плейми и Лорд Альбрен! Надеюсь, Леди Плейми устроит огненное представление! Поскорей бы уже увидеть их всех вживую! А что вы так про Лорда Дэйфа-то спросили? — с любопытством поинтересовался он, наклонившись немного назад.

Лайнес на мгновение замолчал, с гордостью произнося имя наставника.

— Он мой наставник, — тихо произнёс Лайнес. — Паладин обучает меня искусству меча и света. Правда, в последние годы он в разъездах, и со мной занимаются его помощники.

В его голосе послышалась затаённая грусть от частых разлук, но её затмевало огромное уважение и преданность. Мысль о том, что он сможет повидаться с наставником, заставила сердце биться чаще, на время отогнав прочь все предыдущие мрачные мысли.

— Лорд Дэйф… ваш наставник? — кучер произнёс это так, словно услышал, что реки повернули вспять и потекли к своим истокам. — Ого, вот это неожиданность. Позвольте поинтересоваться, как так вышло, что чуть ли не самый сильный человек всего королевства удостоил чести лично тренировать вас, простите меня за прямоту, преступника?

Лайнес не отвёл глаз. На губах появилась слабая, уставшая улыбка, в которой читалась многолетняя привычка к подобным вопросам.

— Не извиняйтесь, — голос Лайнеса прозвучал спокойно и, что удивительно, без намёка на обиду. — Пеголан, верно? Меня не обижают ваши слова.

Он сделал паузу, глядя на свои руки, прежде чем продолжить с тихой искренностью:

— Я и правда преступник. По моей вине погиб человек, и я несу за это наказание.

Лайнес откинулся на спинку сиденья, и его взгляд устремился куда-то вдаль.

— Мой отец состоял в королевской гвардии, а мать обучала в норнах. В Орден я попал благодаря их заслугам. Мне неизвестно, насколько близко отец был знаком с главой Ордена.

Лайнес вздохнул.

— Паладин на эту тему отшучивается. Лорд Дэйф — один из немногих, кто относится ко мне по-доброму. Да, он строг и требователен, но где-то глубоко внутри я чувствую в нём настоящую заботу. Такую, какую проявляют лишь к своим ученикам.

Пеголан слушал, затаив дыхание, его циничное выражение лица постепенно сменилось искренним интересом, а затем и лёгким почтением.

— Какая удивительная история. Примите мои соболезнования, — в его голосе впервые прозвучала неподдельная теплота. — Но знаете… Я уверен, что с таким наставником вы станете превосходным защитником королевства.

Эти слова прозвучали не как пустая любезность, а почти как пророчество, заставив в груди Лайнеса на мгновение вспыхнуть крошечной, но такой ценной надеждой.

Разговор и последующие новости, одна за другой воодушевлявшие Лайнеса, поглотили его настолько, что он утратил чувство времени. Карета миновала половину пути. Впереди показалась небольшая деревушка Блафис, раскинувшаяся у реки.

Дядя Мэл родом оттуда и всегда говорил об этом с гордостью. Деревня славилась двумя вещами: своими рыбаками, чьи сети никогда не пустовали, и невероятной выпечкой, аромат которой витал в воздухе и манил путников сойти с дороги.

Лайнес взглянул на сушильные рамы, где рядом с рыбой висели гирлянды светящихся угрей, мягко мерцающих в тени. И его внезапно осенила тёплая мысль. Он представил дядю Мэла не кучером, а сидящим на берегу с удочкой в руках.

Он видел, как тот, свободный от службы, наслаждается тишиной и покоем. Эта картина показалась ему такой ясной и правильной, что на губах сама собой расцвела лёгкая улыбка.

И вместе с улыбкой пришла память — чёткая и почти осязаемая. Он вспомнил довольное лицо дяди Мэла, протягивающего ему тёплый свёрток, пропахший маслом и корицей.

«Держи, Лайнес, подкрепись, — говорил тот, и глаза его хитро щурились. — Это тебе от Марты. Её пироги, говорят, сам король уплетает!»

Воспоминание о пирогах — сочных, с рассыпчатой корочкой — заставило его невольно сглотнуть. Во рту появился знакомый вкус масла и корицы. Это был вкус заботы и простого человеческого счастья в его нелёгкой жизни. И пусть сейчас его не угощали, а сам дядя Мэл был далеко, это воспоминание согрело его изнутри.

Деревня была живым сердцем, бьющимся в такт королевству. Благодаря труду крестьян в столицу и окрестные земли непрерывным потоком поставлялись свежая рыба и душистый хлеб. Староста не раз получал письма с благодарностью из столицы. Эти свитки хранились в рамке на самом видном месте в ратуше, как величайшая реликвия.

Всё здесь работало слаженно. Лайнес не мог оторваться от симфонии, в которой каждый житель играл свою роль. Одни, закатав штаны, забрасывали сети в реку, другие орудовали длинными лопатами, отправляя румяные караваи в раскалённую печь.

Быть рыбаком или пекарем считалось настоящим призванием — об этом гласил знак при въезде в деревню. На нём было выбито: «Сытый солдат — сильный солдат». Эта простая истина была краеугольным камнем их жизни, и жители Блафиса чувствовали себя частью защиты и процветания королевства.

— Хоть бы мы с ним ещё встретились… — мечтательно проговорил Лайнес.

— Обязательно встретитесь. И, надеюсь, за столом, а не в дорожной пыли, — ободряюще сказал кучер.

Пауза повисла, словно после недопетой песни. Её нарушали лишь стук колёс и дыхание лошадей. Лайнес откинулся на спинку сиденья и смотрел куда-то перед собой. Взгляд его был пуст — он не замечал ни дороги, ни мелькавших по сторонам пейзажей, погружённый в свои мысли.

Внутренний взор Лайнеса обратился к образу величественного Градстоуна, жемчужины королевства, раскинувшегося на северо-востоке. С одной стороны столица выходила к морю — гладь служила ей и щитом, и кормильцем, — с другой её окружали бесконечные поля.

Градстоун был огромен. Его часто называли «Круглым городом»: изначальные границы представляли идеальную окружность — замысел архитекторов, желавших создать символ совершенства. Время внесло коррективы: посады разрослись, нарушив геометрию и придав городу живое, непредсказуемое очарование.

Лайнес мысленно коснулся городских стен, вздымавшихся на невероятную высоту. Они стояли щитом, а их башни — как зоркие великаны, не сводившие глаз с горизонта.

У подножия был вырыт ров, наполовину наполненный водой. В его глубине скрывались острые колья — ещё одно препятствие для тех, кто осмелился бы на штурм.

Но вся эта суровая мощь лишь подчёркивала красоту города внутри. Дома в Градстоуне не превышали трёх этажей. Каждое здание было сложено из рудного камня — массивного, с прожилками минералов, отливающего на солнце металлическим блеском.

Дома хранили не только уют, но и истории успеха. Существовала традиция: если человек преуспевал в каком-то деле, он получал право выгравировать на фасаде дома узор. Плотник украшал окна резьбой, повторяющей его изделие, а кузнец высекал у порога орнаменты, напоминающие скрещённые молоты.

Градстоун делился на четыре квартала. У каждого было своё предназначение.

Первым встречался квартал Ратного дела — железное сердце королевства. Здесь не было места изящным балкончикам. Всё держалось на стали: скобы, полосы, заклёпки. Дым, звон металла, грохот молотов. Каждый камень здесь говорил: этот квартал создан не для красоты, а для войны.

Здесь, вдоль крепостных стен, теснились кузницы, из труб которых валил угольный дым. Рядом стояли оружейные — мрачноватые, со сверкающими клинками на стенах. Казармы и норны, где юношей обучали ратному делу и ковали из них рыцарей, — эти постройки тянулись вдоль стены, образуя неприступный пояс стали и камня.

Гордостью квартала был величественный норн имени Рилгата — отца Кронгала, короля, правившего до него. Это была святыня, пропитанная славой прошлых поколений.

В глубине норна находился Зал Истины — священное место, названное в честь своего единственного сокровища. Там покоился Меч Истины — один из сильнейших артефактов, когда-либо принадлежавших людям.

Он лежал на алой бархатной подушке под высоким стеклянным колпаком. После смерти хозяина клинок погрузился в сон, и никому не удавалось его пробудить.

Но даже в своём заточении меч не утратил всей своей мощи. Он обладал способностью видеть суть человека, его истинный потенциал. Прикоснувшись к клинку, человек проходил испытание. Меч показывал силу духа и чистоту намерений, присваивая определённый ранг.

В королевстве людей царила иерархия — система рангов. Это был закон, определявший место человека в обществе. Чем выше ранг, тем могущественнее становился носитель и тем больше возможностей открывалось.

В самом низу пирамиды находились крестьяне. Они были фундаментом королевства, но фундаментом безымянным и неблагодарным. Их даже не пускали в столицу, не говоря о том, чтобы удостоить чести прикоснуться к артефакту. Сама мысль об этом была кощунственной.

Их удел был тяжек. Они платили неподъёмные налоги, выжимавшие последние соки. В войнах их не ценили, оружию не обучали и бросали как пушечное мясо. Но самой страшной была не физическая ноша, а оковы происхождения.

Родословная запечатывала их судьбу. Никакие заслуги, сила или ум не могли открыть им путь к лучшей жизни. Они были заложниками собственного происхождения, обречёнными влачить судьбу своих предков до конца дней.

После крестьян структура королевства держалась на трёх столпах: ратном, духовном и магическом. Люди славились ратным делом, поэтому первой ступенью в этом направлении был ранг оруженосца. В отличие от крестьян, прикованных к земле, оруженосцы уже видели перед собой путь, пусть и тернистый.

Ими становились юноши из семей, в чьих жилах отсутствовала крестьянская кровь, но и похвастаться знатными предками они не могли. Их жизнь не была лёгкой, хотя и не знала каторги. Она состояла из служения и суровой дисциплины. За каждым закреплялся опытный рыцарь — наставник и образец. Его воля была законом, а его приказы не обсуждались. Они чистили доспехи, ухаживали за конём, таскали снаряжение. И первыми принимали на себя гнев своего господина.

Но в этой суровой службе таилась и возможность — шанс быть замеченным. Ревностное служение и преданность могли подарить оруженосцу право на обучение в норне. Обычно этот путь начинали в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет, и годы службы проходили в напряжённом ожидании.

Тем, кому удавалось проявить смекалку и отвагу, открывалась дорога к мечте — попасть под своды норна. Там, коснувшись Меча Истины и доказав свою силу, они получали право сбросить звание слуги и самим стать рыцарями.

Следующей ступенью, опорой королевства, был ранг рыцаря. Это не просто следующий уровень, а скачок — переход из мира слуг в мир господ. Если оруженосец мечтал о славе, рыцарь уже нёс её на своих плечах.

Путь к рангу лежал через норн и испытание артефактом. Тот, в ком меч признавал воина, чувствовал, как по жилам разливается незнакомое тепло, а внутренняя сила пробуждалась. С этого момента он становился не просто человеком с оружием — он становился носителем ранга, существом иного порядка.

Этот ранг составлял костяк королевской армии. Рыцари охраняли границы, караваны и важных персон. Их доспехи, отмеченные фамильными гербами, были знаком отличия. Но ранг даровал не только силу и почёт, но и накладывал бремя.

Рыцарь был воплощением кодекса чести: его клятва была нерушимой, а слово — твёрже стали. Предательство или трусость считались для них хуже смерти и позором не только для самого воина, но и для всего его рода на поколения вперёд. Простые горожане расступались перед ними на улицах, а оруженосцы смотрели на них с трепетом, видя в них воплощение своей мечты. Рыцари также владели луком и арбалетом: их меткие выстрелы решали исход многих осад и оборонительных баталий.

Выше, там, где людское мастерство встречалось со светоносной благодатью, стоял ранг храмовника. Это был не просто чин, а высшее посвящение — удел избранных, ставших наставниками в Святом Ордене и живым орудием воли короля.

Путь к этому рангу был вымощен железной дисциплиной и кровью предков. Он лежал через строжайший отбор, где первым условием было безупречное происхождение. Право вступить в Орден имели лишь люди из знатного сословия — это считалось залогом чистоты и верности. Один храмовник мог одолеть в бою сотню закалённых воинов.

Выше храмовников, на самой вершине ратной иерархии, стоял паладин — глава Святого Ордена. Его титул был уникальным. Он не передавался по наследству — его выковывали в абсолютной победе. Сместить паладина можно было лишь в честном поединке. Но сама эта мысль была немыслима: разница между ним и самым могущественным храмовником была безгранична, как пропасть между свечой и солнцем.

Там, где храмовник черпал энергию из молитв и света, паладин был её источником. Один его взгляд мог низвести на колени, одно слово — исцелить раны. Он мог остановить армию своим присутствием, ибо его воля становилась законом для самой реальности. Его считали непобедимым не из-за мастерства, а потому что сама идея его поражения противоречила законам мироздания.

Равными ему по силе в королевстве были трое: король Кронгал, епископ Лорд Альбрен и архимаг Леди Плейми. Если паладин был воплощением меча и божественной воли, то их могущество проистекало из иных источников — веры, магии и силы Короны.

Если квартал Ратного дела дышал суровым металлом и дисциплиной, то следующий был его полной противоположностью. Квартал Духовно-Магических искусств был местом, где реальность истончалась, подчиняясь воле и слову его жителей. Попасть сюда можно было, миновав шумные главные ворота и свернув на восток через центральную площадь.

На подходах воздух начинал дрожать от едва уловимого гудения — не звука, а ощущения колдовской энергии, исходящей от камня мостовой. Здесь работа творилась не руками, а силой мысли и жеста.

Хлеб, подрумянившись до золотистой корочки, сам находил своего покупателя, монеты перепрыгивали в ларец, а зелья и настойки — прямо в руки клиентов. Мётлы выводили на мостовой узоры чистоты. Письма-бабочки и крылатые свитки бесшумно проносились над головами.

Сам квартал был поделён на две половины. На одной царило волшебство, и её сердцем была Магическая Академия — здание из белого камня, устремлённое в небо, с витражами, где сцены великих пророчеств сменялись изображениями стихий.

Поступить в неё мог лишь тот, кто обладал врождённым даром к магии. Такая искра была редкостью и проявлялась у младенцев. Как правило, искра вспыхивала у девочек из знатных семейств, чья кровь считалась благородной и чистой.

Одарённых детей забирали в Магическую Академию, присваивая им ранг волшебника. Годы учёбы закаляли дар, а после сдачи экзаменов они получали титул мага, становясь советниками Короны. Во главе магической ветки стоял архимаг — самый могущественный чародей, чья мудрость питала магическую силу королевства.

На другой стороне квартала, где воздух звенел не магией, а молитвами, селились те, кто отдавал себя вере и духовному служению. Сюда стекались те, кто хотел искупить прошлое: оруженосцы, не выдержавшие тернистого пути; отчисленные ученики Академии; а также бывшие солдаты. Все они давали обет, становились послушниками и отдавали свою волю ангелу.

Осваивая молитвы и участвуя в церемониях омовения и молчания, они очищали души и обретали дар — способность исцелять раны и восстанавливать силы товарищей на поле боя, направляя на них благословение.

Их святыней была Часовня Нисходящего Луча — строгое здание из песчаника с куполом небесно-голубого цвета. На вершине купола возвышалась скульптура ангела из белейшего мрамора. Его лицо дышало милосердием и скорбью, а меч был опущен остриём вниз, в знак защиты.

Сливаясь с волей покровителя, самые преданные послушники со временем становились жрецами. Они носили простые белые робы с вышитым золотом символом нисходящего луча — знаком благодати. Жрецы не могли повелевать смертью или возвращать умерших, но их прикосновение сращивало разорванную плоть, а тихая проповедь вселяла надежду в самые отчаявшиеся сердца.

На вершине духовной ветки стоял епископ — непоколебимый столп веры, голос ангела. Он единственный, кто мог толковать его волю, и благословение епископа равнялось по силе самой мощной боевой магии.

В Араане истинная мощь измерялась не только годами тренировок и глубиной познаний. Она напрямую зависела от связи с артефактами — реликвиями, способными вознести силу своего владельца до невиданного предела.

Именно благодаря подчинению одного из таких артефактов главы иерархий получали титул «Легендарный», или, как говорили проще, — «Лорд» и «Леди».

Артефакт становился частью владельца, многократно усиливая способности. Искусный воин становился силой, способной сокрушать армии, а талантливый маг получал власть над стихиями, о которой прежде мог лишь мечтать.

Надежда обрести подобное сокровище казалась безрассудством. Артефакты были редки, и их количество напрямую определяло мощь королевства. Каждая реликвия становилась не просто источником силы владельца, но и частью политического могущества королевства. За ними охотились прославленные герои, чьи имена переходили из уст в уста.

Но одного лишь поиска было недостаточно. Артефакты сами решали, кому позволить прикоснуться к своей силе и стать её носителем. Когда наступал этот момент, никто не мог предугадать — как и то, кого именно выберет реликвия.

В королевстве людей было известно лишь о пяти артефактах: Мече Истины, Карателе, Клевере Шансов, Броне Первого Луча и Ожерелье Пылающего Сердца.

Третий квартал — Торговый. Кошелёк столицы. Он раскинулся на юге и занимал треть Градстоуна.

Крупные производства королевства были сосредоточены здесь: вереницы мастерских, виноделен и ювелирных лавок тянулись вдоль улиц. Тут же, между ними, теснились ряды с фруктами, свежей зеленью и разной снедью. Но истинным средоточием были трактиры и таверны — шумные, дымные, готовые в любой час накормить и напоить путника дешёвым, но крепким элем.

Улицы не знали покоя. С рассвета до ночи они были заполнены толпой торговцев. Одни расхваливали пёстрые украшения, другие заманивали ароматами пирогов и жареного мяса, третьи торговали самым мрачным товаром — людьми.

Работорговля была не просто разрешена — она была узаконена властью. По убеждению короля, она, наравне со смертной казнью, была ярмом, которое держало народ в страхе, напоминая каждому о цене бунта и неуплаченного долга.

В основном рабами становились те, кого жизнь и закон поставили на колени: дезертиры, крестьяне, не сумевшие заплатить налог, и преступники, чьи преступления были слишком малы для виселицы, но слишком велики для прощения. Они стояли на коленях у деревянных помостов с потухшими взглядами.

На юго-западе, скрытая за лавками и толпой, возвышалась сокровищница — массивное здание, похожее на крепость. Его стены из тёмного базальта вросли в землю, а бойницы под крышей зорко следили за округой. Двери из дуба, окованные сталью, казались вырезанными из ночи — они поглощали свет и хранили тайны. У входа застыли два грифона. Их глазницы пронзали насквозь каждого, кто осмеливался приблизиться.

Долгие годы это здание хранило несметные богатства Короны — золотые, серебряные и бронзовые слитки, аккуратно сложенные в многочисленных хранилищах. Но после гибели Рилгата всё изменилось.

Новый король, Кронгал, человек расчётливый, внял советам Лорда Альбрена. Тот убедил его, что драгоценные металлы — это спящее богатство. Они могут послужить королевству куда лучше, если будут работать, а не тлеть в темноте.

Король велел перечеканить слитки в монеты — кроны. На их аверсе красовался профиль Кронгала, а на реверсе — грифон, символ неприкосновенности королевской казны.

На юго-востоке столицы, там, где набережные квартала встречались с солёными водами бескрайнего моря, кипела жизнь огромного порта. Это был не просто причал, а отдельный, шумный и пахнущий мир. Здесь, в тесном соседстве, покачивались на волнах десятки судов всех мастей и размеров.

Но истинным достоянием порта и символом надежды для каждого, кто выходил в море, был маяк Свободы. Маяк возвышался над портом белокаменной башней, устремлённой в небо. Ночью его свет, зажжённый магическими кристаллами, пронзал тьму и самый густой туман. Днём он молчал, но оставался вестником мощи королевства.

На возвышении, отделённый от остальных кварталов, лежал последний — Королевский.

В отличие от остальных, тут царила тишина, нарушаемая лишь мерным шагом патрулей и шелестом знамён. Это было сердце власти, и билось оно в ритме, заданном всего тремя строениями.

В центре, затмевая всё вокруг, высился королевский дворец — не просто резиденция, а символ неоспоримой власти. Стены из тёмно-вишнёвого порфира отражали облака, словно

вглядываясь в небо. Бесчисленные шпили и башни пронзали горизонт, а высокие витражные окна сверкали в свете дня. Он был воплощением силы и отстранённого величия.

По правую руку от него, словно совесть королевства, стояло здание Святого Ордена. Его архитектура была аскетичной: прямые линии, стрельчатые окна и массивные контрфорсы, придававшие ему вид крепости духа. Светлый камень стен казался тёплым на фоне дворца, а с крыши взмывал в небо единственный шпиль, увенчанный знаком святого покровителя.

По левую руку располагался мавзолей. Это было монументальное сооружение из белого мрамора с искусной резьбой и сценами из жизни правителей и воинов. Его купол, пологий и совершенный, символизировал небосвод, под которым покоились те, кто когда-то был героями королевства.

Но истинные масштабы скрывались под землёй. Под величественным залом зияли входы в катакомбы, переходившие в кладбище — приют для душ, чьи имена стёрло время.

Главным же, что делало этот квартал недосягаемым, была его неприступность. Вход был возможен исключительно по пропускам. Ни знатность рода, ни горы богатства не давали права ступить на территорию. Лишь обладатели разрешения с королевской печатью могли миновать ворота. Для многих квартал оставался молчаливой легендой за высокими стенами — зримым, но недостижимым воплощением власти, веры и памяти.

У столицы, как и полагается сердцу великого королевства, была своя главная артерия — центральная площадь.

Она была огромным плацем, мощёным светлым, отполированным тысячами ног камнем, где сходились, как ручьи в единое озеро, все главные улицы города. Именно здесь, на этом дыхании города, проходили самые важные события: от оглашения указов и грандиозных празднеств до показательных казней. И сегодняшняя годовщина должна была состояться именно здесь.

Ораторская сцена возвышалась в центре площади, притягивая взгляды с самых дальних её уголков. Семь ступеней вели на круглую платформу — каждая из них символизировала добродетель: мужество, дисциплина, справедливость, милосердие, честь, долг, вера.

На заднем плане сцены возвышалась высокая каменная спинка, напоминавшая тронную стену. В её центре был высечен герб королевства, а по бокам — два позолоченных грифона.

Над всем этим на массивных цепях висел богато украшенный балдахин из пурпурного полотна, защищавший оратора от солнца и подчёркивавший статус. Именно с этой сцены, обращённый к народу, король и произнесёт свою речь.

Справа от площади, в тени платанов, находился памятник Рилгату, возведённый в честь его побед. Монумент поражал динамикой и мощью: Рилгат был запечатлён не в надменной позе, а в порыве боя. Расставив ноги на поверженных штандартах, он застыл с поднятым к небу мечом.

Плащ за спиной рвался на ветру, словно призрак отгремевшей битвы. Лицо, высеченное с пугающей реалистичностью, хранило гордость победителя и горечь цены, заплаченной за неё.

У подножия монумента бил фонтан — Слеза Матери. Это была сложная композиция из белого мрамора. В огромной нижней чаше хлестали кристально чистые струи. Второй ярус составляли фигуры скорбящих женщин в развевающихся покрывалах — матери, жёны и сёстры, оплакивающие павших солдат.

Из кувшинов вода стекала ручьями, но главная струя устремлялась в небо и рассыпалась бриллиантовыми брызгами, символизируя жизнь и надежду.

Вода падала обратно с тихим звоном, и этот звук сливался с гулом площади, напоминая, что даже великая победа рождается из слёз. Фонтан был не символом триумфа, а символом искупления и памяти.

На этой ноте Лайнес вернулся из своих мыслей.

Карета затормозила у въезда на подъёмный мост.

Пеголан кивнул в сторону массивной каменной арки.

— Вот мы и приехали, — сказал кучер, протягивая потрёпанный бланк с королевской печатью. — Держи. Это твой пропуск на сегодня. Удачи на тренировках!

— Рад был познакомиться! Хорошего вам дня! — Лайнес взял бланк, ощущая его вес — куда более значительный, чем простой клочок бумаги. — Увидимся вечером!

Глава 4 Горечь правды.

Лайнес толкнул дверцу и вышел на кишащую людьми мостовую. Внизу зияла пропасть рва, наполненного водой. Тёмная, почти чёрная вода отражала небо и громаду крепостных стен. Через эту преграду тянулся подъёмный мост. Толпа гудела и медленно перетекала в ворота подобно единому многоголовому организму. В этом потоке смешались все сословия: торговцы, ремесленники и старосты деревень с отчетами. Лайнес продвигался вперёд шаг за шагом, чувствуя на себе взгляды прохожих.

Наконец-то подошла его очередь. У входа в столицу стояли двое стражников в полном обмундировании. Их лица были скрыты за опущенными забралами, но взгляд одного из них, холодный и оценивающий, упёрся прямо в Лайнеса.

— Ваш пропуск в столицу? — прогремел его голос, низкий и безразличный, заглушая шум толпы. Это был не вопрос, а требование. Приказ.

Лайнес протянул заветный бланк, чувствуя, как на него смотрят те, кто сзади. В этот миг он был не учеником, не воином, а всего лишь строчкой в документе, который решал, достоин ли он переступить порог столицы.

— Проходи, не задерживай очередь, — буркнул стражник, его голос потерял прежнюю ноту, сменившись усталым равнодушием. И тут же, опустившись до полушёпота, добавил суровое предупреждение: — Сегодня годовщина её величества. Не попадай в неприятности.

После мимолётного диалога юноша сделал шаг вперёд — и мир перевернулся с ног на голову. Оказавшись по ту сторону, он был поглощён не просто городом, а иным измерением, преображённым всеобщим помешательством предпраздничной лихорадки. Градстоун был неузнаваем и поражал воображение даже местных жителей, не говоря уже о Лайнесе, чей взгляд пытался охватить всё и сразу.

Первое, что ослепило его, — буйство красок. Яркие вывески на каждом углу мозолили глаза, споря за внимание. Шёлковые ленты, золотые буквы, синие эмали — всё сливалось в ослепительный калейдоскоп, призванный затмить будничную серость.

Ещё одним чудом стали светильники. Между зданиями, словно струны незримой арфы, были натянуты верёвки с сотнями уличных фонарей. Они висели ровными рядами — ещё тёмные и безжизненные, но уже полные обещания. Каждый стеклянный шар ждал своего часа, чтобы с наступлением сумерек загореться и превратить улицы в сияющую реку.

Главными действующими лицами этой суматохи были люди. Все жители, от мала до велика, были охвачены единой целью — блеснуть. Город суетился, подбирая наряды. В витринах мастерских девушки примеряли воздушные платья, кружась перед зеркалами в облаках кружев и шёлка. У входа в мужские лавки выстроились очереди из тех, кто спешил обзавестись парадным мундиром, начистить пуговицы и подшить воротники.

Где-то вдалеке, за гулом толпы, то затихал, то раздавался смех, сменявшийся овациями. Придворные шуты разыгрывали спектакли о подвигах короля и его легендарных предков. Яркие наряды, утрированные жесты и пафосные монологи собирали толпы зевак.

Город, готовясь к пиршеству, был выметен дочиста. Торговцев сомнительным товаром и бродяг выставили за ворота, чтобы не портили вид. А вот кабаки и трактиры, несмотря на ранний час, работали в полную силу. Из распахнутых дверей доносился гомон, звон кружек и песни. Воздух был сладким от запаха эля и всеобщей эйфории.

Эта заразительная атмосфера не могла не затронуть и Лайнеса. Она, как тёплый ветер, проникла ему под кожу, согревая изнутри и прогоняя прочь тень печальных мыслей, что преследовали его с самого утра. Уголки его губ непроизвольно дрогнули в лёгкой улыбке.

Несмотря на буйство красок и звуков, юноша не сбился с пути. Чётко следуя распорядку, он пробирался сквозь празднующую толпу, направляясь в Королевский квартал. Там у него,

по строгому расписанию, предстояла утренняя молитва, а после наивкуснейший завтрак. Кормили членов Ордена, как и полагалось — не скудно, а с размахом, дабы сила духа подкреплялась силой тела.

В предвкушении трапезы он миновал центральную площадь. Вот знакомый поворот, вот и застава. Юноша был в шаге от своего квартала, от места, где царил более строгий порядок. Лайнес шагнул к массивным воротам, где несли караул стражники в сияющих на солнце латах. С вежливой, но рассеянной улыбкой он протянул старшему потёртый пропуск.

— Здравствуйте! — бросил он на ходу и, не дожидаясь ответа, сделал шаг в сторону арки, словно это приветствие автоматически открывало ему двери.

Мгновение спустя перед ним с сухим, металлическим лязгом скрестились две алебарды, преградив путь стальными лезвиями.

— В доступе отказано, — раздался из-за стальной маски глухой голос, принадлежавший самому крупному стражнику. — Нет штампа об отсутствии задолженности перед казной.

— Штампа? Мне про это никто не говорил. У кого его можно поставить?

Раздражённое фырканье донеслось из-под шлема. Стражник повернул голову, и даже сквозь прорезь забрала чувствовался взгляд, полный презрения, прежде чем он заговорил:

— Указ от первого числа. Или для обучающихся в Ордене законы по-другому писаны? — его голос, и без того грозный, зазвучал с откровенной язвительностью. — Понаберут всяких… В отсутствие главы превратили Орден в хрен знает что, а мы потом мучаемся с вами-болванами. В хранилище печать брать, без неё дальше не пройдёшь. Проваливай.

Последние слова прозвучали как окончательный приговор. Алебарды оставались на месте — неподвижные и безжалостные. Лайнес отступил, сжимая в руке пропуск. Путь в квартал, где его ждали молитва и завтрак, был закрыт.

Увлечённый перепалкой со стражниками, он продолжал сдерживать гнев и доказывать свою правоту, совершенно не замечая, как у него за спиной из тени возникла высокая прямая фигура в дорожной накидке с капюшоном. Незнакомец стоял недвижимо, и казалось, будто он появился из ниоткуда — беззвучный призрак, наблюдающий за разворачивающимся спектаклем.

Оказавшись рядом с незнакомцем, Лайнес почувствовал, как всё внутри сжалось. От фигуры исходила пустота — не зло, не гнев, а нечто всепоглощающее, от чего волосы встали дыбом. А затем на его плечо легла тяжёлая рука в грубой перчатке. Прикосновение было неоспоримым — он застыл на месте.

— Привет, Лайнес. Разве у тебя сейчас не утренняя молитва? — прозвучал спокойный, низкий голос, доносившийся из-под капюшона. Он был лишён всякой эмоции, как гладкая отполированная сталь.

Прежде чем юноша успел что-либо понять или ответить, незнакомец уже держал в руке пропуск, который стражники только что забраковали. Движение было столь молниеносным и ловким, что глаз едва успел его уловить.

— Ещё один... Показывай штамп, — прорычал, словно разъярённый зверь, всё тот же стражник, уже обращаясь к незнакомцу. — Если его нет, то сразу вали в хранилище и не раздражай нас своим присутствием.

Мужчина в капюшоне не удостоил дерзкие речи ответом, а спокойно шагнул вперёд. Две алебарды тут же скрестились перед ним с угрожающим лязгом.

— Это тот же пропуск, что был у того недоноска! — закричал начальник караула. — Ты нас за дураков держишь? Ещё шаг — и порубят, ублюдок. Раньше я тебя не видел, бродяга. Ну давай, смелее. Уверен, такая шваль и дня на рудниках не продержится.

Тишина, повисшая после этой тирады, была оглушительной. Казалось, воздух застыл в ожидании реакции незваного гостя. И тогда из-под капюшона раздался голос. Он был тихим,

без единой ноты повышения, но каждый слог в нём отдавался эхом неоспоримой власти. Это были не слова, а приговор.

— Значит, ты решил, — начал он, и слова падали, как отполированные камни, — что я и этот «недоносок» не достойны пройти? Решил, что вправе останавливать учеников моего Ордена.

В интонации не было вопроса. Была констатация чудовищной ошибки, самой страшной в жизни начальника. Последняя фраза прозвучала с лёгким, смертельно опасным оттенком любопытства:

— Раз ты такой смелый, может, тебе проявить свои способности на передовой, вместо того чтобы пугать детей у ворот?

И тогда незнакомец откинул капюшон, открыв лицо, знакомое каждому, — лицо главы Святого Ордена.

Эффект оказался мгновенным. По рядам стражи прокатился грохот доспехов: в едином порыве они рухнули на колени, склонив головы и устремив взоры в землю. Ещё мгновение назад каждый держался надменно, а теперь перед ними стоял тот, чья власть не нуждалась ни в криках, ни в угрозах.

Начальник караула мертвенно побледнел. Дрожь, пробежавшая по его руке, выдавала его страх. Казалось, он готов был провалиться сквозь землю, лишь бы никогда не произносить тех слов, которые только что бросил в лицо незнакомцу.

— Лорд Дэйф, мы не знали, что это вы! — выпалил начальник караула, торопливо и сбивчиво. Но ответа не последовало. — Простите нас! Нам докладывали, что вы вернётесь лишь после завершения задания, и…

Он не успел договорить. Движение паладина было стремительным и неотвратимым. Его рука в стальной перчатке метнулась вперёд и с силой сомкнулась на горле наглеца. Мощным рывком паладин оторвал его от земли, как пустой мешок, и с глухим стуком прижал к каменной стене. Стражник затрепыхался, его ноги беспомощно забились в воздухе.

Лицо начальника охраны начало багроветь, жилы на лбу и висках налились кровью и выступили наружу. Его глаза, полные животного ужаса, закатились, оставляя видимыми одни белки. Из перехваченного горла вырывались лишь хриплые, клокочущие звуки. Вся грозность испарилась — теперь он был жалким, задыхающимся существом, беспомощно дёргавшимся в железной хватке.

Остальные стражники, всё ещё стоявшие на коленях, не смели шевелиться, вжав головы в плечи. Они замерли, не поднимая глаз на разворачивающуюся кару.

— Лорд Дэйф, остановитесь, вы же его убьёте! — внезапно в оглушительной тишине прозвучал испуганный, но твёрдый голос Лайнеса.

Этот крик — не за себя, а за своего обидчика — словно стал невидимым выключателем. Плечи паладина напряглись, и на миг в его глазах, пылающих гневом, мелькнуло что-то иное.

Лорд Дэйф разжал пальцы, и тело начальника стражи осело на землю, бессильно сползая по стене. Тот, давясь хриплым кашлем и судорожно ловя ртом воздух, смотрел на паладина, всё ещё не веря, что жив.

— Упс… и правда, что-то я перестарался, — произнёс Дэйф, и в его голосе не было ни угрызений совести, ни злобы. Лишь лёгкое, почти что детское удивление, будто он нечаянно раздавил насекомое, а не был в шаге от того, чтобы прервать чью-то жизнь. На его лице появилась странная, обезоруживающе искренняя улыбка.

— Хотел преподать урок, а тот чуть не помер… Пойдём, а то опоздаем на молитву.

Он повернулся к Лайнесу, словно тут и не происходило ничего из ряда вон выходящего. Юноша, ещё ошеломлённый произошедшим, лишь молча кивнул, и они скрылись в проёме арки. Никто из стражи более не смел даже поднять на них глаза.

Сердце Лайнеса готово было выпрыгнуть из груди, но теперь не от страха, а от безумной, неудержимой радости. Его учитель, живая легенда, чьё отсутствие он так тяжело переживал, шёл сейчас рядом с ним, и мир вновь обрёл свои краски.

Пока они шли по вымощенным гладким камнем улицам квартала, Дэйф заговорил. Он не стал расспрашивать о произошедшем — его вопросы были спокойны и обыденны, словно они виделись только вчера:

— Как твои успехи за время моего отсутствия? Удар в четверть оборота уже отработал? Или всё ещё машешь мечом, как метлой?

Лайнес, забыв о тоске, с воодушевлением рассказывал о тренировках и своих маленьких победах. Дэйф слушал, кивал и непринуждённо направлял беседу — то шутливо сравнивал стили фехтования, то рассказывал случаи из своего задания.

— Помни, Лайнес, — голос паладина стал серьёзным, хотя улыбка ещё тронула губы. — Сила без чести — ничто. Мало уметь победить противника. Важно понимать, ради чего ты обнажаешь свой клинок. И не забывай: противника сильнее можно одолеть не только мечом, но и умом. Остроумие — оружие не менее острое, чем сталь.

Лайнес слушал, впитывая каждое слово, и не заметил, как улицы постепенно уступили место величественным зданиям, а впереди, в конце аллеи, показались неприступные стены.

— Вот и пришли, — произнёс Дэйф, и в его глазах мелькнула отеческая искорка.

На первый взгляд здание Ордена казалось скромным. Оно не подавляло масштабами, а, наоборот, словно искало уединения.

Это была двухэтажная усадьба. Её строгая архитектура сочетала чёткие линии, высокие окна и массивные контрфорсы, придававшие зданию сходство с неприступной крепостью. С крыши возносился шпиль, словно клинок, увенчанный знаком святого покровителя.

Территория усадьбы делилась на две части: внешнюю и внутреннюю. Во внешней части кипела жизнь. Здесь будущие защитники отрабатывали удары на манекенах. Считалось, что дневное светило делает клинки быстрее, а воинов выносливее.

На просторных верандах, увитых виноградом, стояли корзины со спелыми фруктами. Девушки в скромных платьях несколько раз за утро обновляли их содержимое — легко, словно танцуя. Каждая дорожила своим местом при Ордене, внося в суровую обитель ноту домашнего тепла.

Во внутренней части, куда вели массивные дубовые двери, царил иной порядок. Здесь располагался трапезный зал — место, где за столом обсуждали дела и укрепляли братские узы. Тут же находились зал заказов, почётная доска с именами лучших и, что немаловажно, комнаты отдыха и лазарет.

Каждое утро в Ордене начиналось с молитвы, за которой следовали часы изнурительных тренировок. Здесь будущих защитников Короны учили владеть мечом, сохранять выдержку и не терять самообладания даже в самые трудные минуты.

Вооружившись мечами, ученики снова и снова отрабатывали удары, добиваясь точности каждого движения. Тренировки проходили как под палящим солнцем, так и под проливным дождём. Иногда наставники устраивали испытания на выдержку, заставляя воспитанников сохранять неподвижность, даже когда усталость давала о себе знать.

На плацу ученики учились сражаться сразу с несколькими противниками, следить за их движениями и не терять бдительности, даже когда опасность грозила со спины. Физическую подготовку дополняли пробежки в доспехах, развивавшие выносливость.

Но настоящей проверкой мастерства становились показательные бои. Каждую субботу плац засыпали песком и огораживали, отделяя бойцов от зрителей — других членов Ордена и наставников. Здесь ученики сходились в поединках на деревянных мечах-спаррингаторах, которые, несмотря на свой материал, могли оставить синяк, сломать ребро или выбить зуб нерасторопному бойцу.

Правила были просты: бой вёлся до потери оружия, выхода за круг или неспособности одного из бойцов продолжать поединок. Удары ниже пояса и в глаза были запрещены — всё остальное считалось доблестным приёмом.

Проигрыш не освобождал от наказания, но оно не причиняло боли. Вместо этого ученик должен был признать свои ошибки и объяснить, какие решения привели к поражению. Так в Ордене учили не скрывать промахи за оправданиями, а анализировать их.

Стоя в центре круга, окружённый внимательными взглядами товарищей и наставников, он, преодолевая жгучую досаду, громко и чётко разбирал своё поражение: «Я позволил эмоциям взять верх над рассудком и слишком яростно атаковал, открыв свой левый фланг».

Разбор не считался позором, а был уроком честности. Наставники внимательно слушали, и тот, кто умел признавать ошибки и извлекать из них урок, мог заслужить уважение. Так поражение превращалось в ценный опыт.

Имя проигравшего снимали с доски почёта, и каждый входящий мог заметить, кто не сумел доказать своё превосходство. До следующих состязаний ему предстояло ждать целую неделю, чтобы получить шанс отыграться.

Внутренний двор Ордена гудел, как улей. Воскресенье было днём выбора заданий, и все взгляды были прикованы к источнику заработка. Здесь висели поручения: от поимки воров до охраны купеческих караванов. Паладин или его заместители отмечали степень опасности символами: от зелёного свитка до багрового черепа.

Чем опаснее задание, тем больше за него давалось крон. Никто не хотел брать лёгкие — они сулили гроши и не прибавляли уважения. Взять «зелёный» значило признать слабость. Если к понедельнику задания оставались без исполнителя, их переадресовывали в норны.

Как только Лорд Дэйф перешагнул порог, шум у доски стих. Первогодки построились и протрубили в трубы — звук окончательно прекратил суету. Все замерли, приветствуя своего лидера.

Толпа мгновенно расступилась, образовав коридор. А затем воздух взорвался овациями и возгласами. Все члены Святого Ордена повернулись к паладину, чтя его не только как предводителя, но и как живую легенду. Его возвращение было триумфом.

— Лорд Дэйф, мы ждали вас. Прошу, пройдёмте за стол, — почтительно произнёс один из наставников, прокладывая ему путь сквозь толпу.

Его тут же оттеснил более взрослый коллега, чьи глаза горели обожанием:

— Если Лорд Дэйф захочет пройти к столу, сделает это без позволения! — он повернулся к паладину, и голос его зазвучал с детским упоением: — Лорд Дэйф, расскажите! Нам всем не терпится услышать, какие поручения короля выполнил наш «Легендарный» глава. Какие битвы выиграны? С какими невзгодами вы столкнулись?

К ним присоединился один из храмовников, стараясь доложить о делах в его отсутствие, тем самым привлекая внимание паладина:

— Господин, в ваше отсутствие Орден не бездействовал — он процветал. Более дюжины способных ребят зачислены на первый год обучения, — он выпятил грудь, — а отчисленных за это время нет! Дисциплина была безупречной.

Гул, ещё секунду назад наполнявший зал, разом стих. Взгляды сместились с паладина на его спутника. Восторг на их лицах сменился недоумением, а затем и явным неодобрением. Брови поползли вверх, а губы сжались. Присутствующие явно не жаловали того, кто стоял рядом с их Главой — преступника, пусть и в форме Ордена.

Возникла тягостная пауза. Со стороны могло показаться, будто овации предназначались обоим — паладину и подопечному с тёмным прошлым. Эта мысль оскорбляла собравшихся, и они смотрели на юношу с немым презрением. Триумфальное возвращение обрело горький привкус скандала.

Вперёд шагнул мужчина средних лет — осанка и взгляд выдавали в нём сильного воина. Он был облачён в доспехи, поверх которых ниспадал голубой плащ — символ верности и чистоты. На кирасе красовался знак храмовника — десница, сжимающая меч.

— Лорд Дэйф, — голос прозвучал чётко. — Почему первым вас встретил Лайнес? Чем он заслужил право стоять рядом, пока остальные приветствуют вас?

Он сделал паузу, давая словам просочиться в сознание собравшихся.

— Я чту и уважаю требования Короны, — продолжал храмовник, — но не разделяю их. Я категорически против того, чтобы заключённые или преступники обучались в Ордене и оскверняли его своим присутствием. Одна мысль о том, что в наших рядах преступник, уже пятнает репутацию Ордена! — Он выдохнул, и его взгляд скользнул по Лайнесу, прежде чем вернуться к паладину.

Паладин не двинулся с места. Он выслушал речь, и его бровь дрогнула.

— Каждый из нас совершал ошибки, — голос паладина прозвучал тихо, но с такой волей, что его было слышно в дальнем углу. — И каждый расплачивается за них по-своему.

Дэйф выдержал короткую паузу, прежде чем продолжить:

— Лайнес — член Ордена. За свои проступки он получил наказание сполна.

В наступившей тишине его голос прозвучал особенно весомо:

— Решать, как и где ему обучаться, — не твоя забота, Толгар. Или считаешь, что вправе оспаривать приказы короля?

На мгновение показалось, что температура в зале повысилась на несколько градусов. Вся уверенность храмовника испарилась, сменившись страхом: он понял, что перешёл черту.

— Нет, что вы! Я не ставлю под сомнение приказы короля, прошу простить! — его голос сорвался на визгливую ноту. — Я лишь… я лишь хотел высказать общее мнение…

Паладин оставил оправдания без ответа. Его взгляд скользнул по собравшимся, а затем остановился на пожилом седовласом мужчине с мудрым, спокойным лицом.

— Наставник Стедадол, вы обучали Лайнеса, как я и распорядился перед отъездом?

Старый воин выпрямился и ответил ясно, с уважением:

— Да, Лорд Дэйф. Всё, как вы просили. Ваше слово — закон. Мальчик обучался наравне с остальными и проявил себя достойно.

— Не сомневался в вас, наставник Стедадол. Раз храмовник Толгар решил поднять столь деликатный вопрос, давайте посмотрим, на что способен Лайнес. Как насчёт поединка?

Каждое слово отдалось эхом по сводам Ордена. Предложение застало не только Толгара, но и всех присутствующих врасплох. Оно было настолько неожиданным и дерзким, что на мгновение всё замерло.

Сотни пар глаз, полных изумления и неверия, уставились на паладина. Они, ожидавшие наказания, и подумать не могли, что Глава так легко, почти играючи, решится на проведение поединка.

— Если братья считают, что Лайнес не достоин носить имя члена Ордена, то наверняка один из ваших учеников с лёгкостью одолеет преступника. Что скажете? Посмотрим, на что способен мальчишка?

Его взгляд скользнул по ошеломлённому лицу храмовника, словно Дэйф ждал его ответа.

— Илнай, верно? Ваш подопечный готов сразиться с Лайнесом? Если да, пусть поединок расставит всё по местам. По его итогам и решим, достоин ли Лайнес остаться в Ордене.

Вопрос повис в воздухе, став испытанием для Толгара и его уверенности в собственной правоте. Храмовник ещё не успел подобрать нужных слов, как его кто-то опередил.

— Лорд Дэйф! Я с радостью приму бой и покажу преступнику, где его место!

Слова, громкие и звонкие, упали в тишину. Из толпы, расступившейся перед ним, вышел юноша — Илнай. Его глаза горели безрассудным огнём и жаждой доказать преданность.

Лорд Дэйф медленно кивнул, и в уголках его губ заплясали едва уловимые тени улыбки.

— Что ж… — его голос вновь заполнил собой весь зал, возвращая всех к реальности. — Тогда после молитвы встречаемся на заднем дворе. Там и проведём поединок. И не забывайте: после вас ждёт праздник, так что как следует подготовьтесь.

С этими словами он оставил за собой взбудораженный зал. Триумфальное возвращение сменилось предгрозовым ожиданием — казалось, сама атмосфера предвещала бурю. Никто не мог предположить, что утро выдастся столь многообещающим. Дэйф и раньше принимал дерзкие решения, сводившие с ума членов Ордена, но не до такой степени!

Все, от новобранцев до седовласых храмовников, ждали поединка, старательно скрывая азарт за маской благочестия. Утренняя молитва в святилище прошла на удивление быстро: слова пролетали мимо сознания, уступая место мысленным картинам грядущей схватки.

Лайнес, оказавшись в центре событий, пытался собраться с мыслями. На тренировочной площадке он старался не замечать взглядов и яростно орудовал деревянным мечом. Юноша атаковал неподвижный манекен, вкладывая в каждый удар тревогу, горечь и недоумение. Удары отдавались в соломенной набивке, но их стук тонул в грохоте вопросов, бушевавших у него в голове.

«Зачем?» — стучало в такт ударам сердце. «Зачем ему это представление? Может, мне действительно здесь не место?» — терзался Лайнес, нанося очередной удар по манекену. «Может, паладин нашёл такой изящный способ окончательно от меня избавиться? Выставить на бой, чтобы унизить и изгнать с позором?»

«Или же… А что, если паладин хочет, чтобы я сам преподал урок этим наглецам? Чтобы я заставил их замолчать раз и навсегда?»

Эта двойственность сводила его с ума. Он чувствовал себя разменной монетой в игре, правила которой знал только паладин. И сейчас ему предстояло выйти на арену, не понимая, чего тот от него ждёт — поражения или победы.

Ожидание сжимало виски, превращая предстоящий бой в испытание не столько силы, сколько веры. Веры в себя…

Тем временем Дэйф наблюдал за дуэлянтами, оценивая их подготовку к бою. Паладин восседал на импровизированном троне под полотняным навесом напротив главного входа. Служанки успели подготовить трон, пока все были на молитве, и теперь Дэйфу открывался прекрасный обзор арены.

Место для поединка тоже было готово: первогодки разровняли землю, рассыпали песок и очертили круг. Солнце поднялось высоко, освещая площадку и придавая происходящему торжественность.

В какой-то момент Дэйф заметил полный смятения взгляд Лайнеса. Паладин спокойно встретил его взгляд, лишь слегка улыбнувшись и коротко, одобрительно кивнув.

Для Лайнеса этого оказалось достаточно. Этот жест, понятный лишь им двоим, словно щелчок невидимого кнута, оборвал поток сомнений и страхов. Мысль о том, что Глава хочет от него избавиться, рассыпалась в прах.

Задний двор превратился в амфитеатр. Балконы, поднимавшиеся ярусами, ценились выше всего — оттуда открывался лучший обзор. Места заняли в считаные мгновения, едва отзвучала последняя нота утренней молитвы.

Внизу, за очерченным кругом, толпились те, кому не хватило проворства, чтобы занять выгодные места. Весь Орден собрался, чтобы стать свидетелями акта очищения — изгнания чёрной овцы, чьё присутствие бросало тень на их безупречное, сияющее братство.

Воцарилась тишина. Лорд Дэйф поднялся, поприветствовал собравшихся и неторопливо сошёл в центр песчаного круга. Песок тихо заскрипел под его сапогами. Он остановился, и его голос прозвучал с предельной ясностью для каждого:

— Лайнес. Илнай. Ко мне.

Дуэлянты двинулись навстречу судье. Поравнявшись с паладином, они, будто повинуясь единому порыву, преклонили колено.

Песок принял юношей. Их голоса, сначала робкие, но быстро набирающие силу, слились воедино, когда они произнесли клятву — священные слова, сотни раз звучавшие под этими сводами:

— Мой щит непробиваем, а меч блестит, он свят! Правдивым будет слово, а ложь умрёт, как яд! Нас свет ведёт к победе, в сердцах горит заря! Пред смертью не отступим. Во имя короля!

— Во имя короля!!!

Этот ответ сотряс стены Ордена. Рёв прокатился по арене, наполняя её яростью, верой и единством. После клятвы паладин первым нарушил наступившую тишину. Его спокойный голос вновь заставил вздрогнуть даже самых невозмутимых зрителей. Слова, обращённые к храмовнику, были отчётливо слышны каждому из собравшихся:

— Храмовник Толгар, — начал он, и его взгляд скользнул с мечей бойцов на храмовника. — Всю свою историю Орден стремится готовить воспитанников в условиях, максимально приближенных к реалиям. Почему же, когда решается вопрос об изгнании, в руках бойцов находятся эти палки? Тем более, как мне помнится, у Илная есть особые клинки.

Этот вопрос ошарашил храмовника. Он пытался найти возражение, но не нашёл ничего, что мог бы противопоставить воле паладина. Сопротивляться было не только бесполезно, но и опасно. Сдержав невысказанные возражения, он одобрительно кивнул и сказал:

— Ваша логика безупречна, о великий Глава, — подтвердил Толгар, избегая его взгляда. — Пусть бойцам принесут закреплённое за ними оружие.

Эти слова стали искрой, упавшей в бочку с порохом. Тишина взорвалась взволнованным гомоном. «Настоящее оружие? Клинки?» — пронеслось по рядам. Любопытство сменилось жгучим ажиотажем, а ожидание зрелища — трепетом перед чем-то гораздо более опасным. Зрители обменивались взглядами, полными изумления и внезапно вспыхнувшего страха.

В руки Лайнеса легли его верные спутники — длинный меч с простым крестообразным эфесом и каплевидный щит. Клинок был хорошо сбалансирован, лишён украшений и опасен в руках того, кто умел им владеть. Щит же, тяжёлый и надёжный, обещал выдержать не один удар.

Оружие Илная являло собой полную противоположность: два изогнутых, словно когти хищной птицы, клинка с зубчатыми заточками. Они носили название «Когти Ворона». Это оружие, предназначенное не для фехтования, а для яростных атак, способных разрывать плоть. Даже их блеск был иным — холодным, хищным и безжалостным.

Бойцы заняли свои места, и по едва уловимому кивку Лорда Дэйфа поединок начался.

Илнай не стал медлить. Словно спущенная с тетивы стрела, он без каких-либо сомнений ринулся вперёд, превратившись в смертоносный вихрь из стали. Его атака была не серией ударов, а сплошным, сокрушающим потоком. Серпы молотили по щиту с такой яростью и скоростью, что слились в оглушительный, непрерывный грохот.

Лайнес отшатнулся, ошеломлённый этим звериным напором. Он втянул голову в плечи, подставив под удары щит. Каждый удар отзывался в его костях глухим, болезненным гулом, заставляя суставы неметь, а пальцы коченеть. Вглядываясь в глаза противника, он видел в них лишь слепую, неумолимую жажду разрушения.

Натиск был настолько мощным и плотным, что не оставлял возможности на контратаку. Лайнесу ничего не оставалось, кроме как отступать, пятясь по песку под градом ударов. Он был как корабль в шторм, а его щит — парусом, который вот-вот будет разорван в клочья. Публика, затаив дыхание, наблюдала, как изгой, прижатый к краю круга, проигрывает под аккомпанемент звенящей стали.

Сражение вышло на свой пик и приобрело неожиданный поворот. Ослеплённый жаждой победы, Илнай настолько увлёкся размашистыми, безудержными атаками, что раскрылся на мгновение — и этого мига хватило.

Клинок Лайнеса метнулся вбок, не для убийства, а для предупреждения. Лезвие прошло у самого лица противника, оставив на щеке тонкую алую черту. Всё затихло, и с щеки Илная скатилась капля крови. На золотистых песчинках проступило тёмно-красное пятно.

Илнай медленно провёл пальцами по порезу, а потом поднял на Лайнеса взгляд. В его глазах погасла всякая бравада, осталось только бешенство. Жажда мести пылала в нём ярче любого факела.

Слепой ярости не нужна тактика. Илнай, не раздумывая, метнул в противника оба своих «Когтя». От первого Лайнес уклонился, почувствовав лишь, как ветер опалил кожу. Второй пролетел настолько близко, что со свистом срубил несколько волосинок с его причёски.

Но это был лишь отвлекающий манёвр. Пока внимание было приковано к серпам, Илнай оттянул ворот туники и схватился за металлический крест, висевший на груди. Его пальцы стиснули символ веры так сильно, что побелели костяшки. Резким движением он дёрнул крест вниз, и тот сорвался.

Тело Илная окутало сияние, постепенно разгоравшееся всё сильнее. Воздух зарядился странной энергией. Лайнес, впервые видя такое, отпрянул. В руках врага вспыхнули клинки из чистого света. Они пылали, издавая низкое, угрожающее гудение.

С новым кличем, полным мощи и ненависти, Илнай вновь бросился в атаку. На этот раз Лайнес, повинуясь животному предчувствию, решил блокировать удар не щитом, а мечом. Мысль мелькнула в голове: энергия такой силы могла разнести щит, но против стали у него, быть может, оставался шанс.

Илнай обрушил свой световой меч в сокрушающем ударе сверху. Лайнес встретил атаку, подставив лезвие под поток энергии. Раздался не звон, а шипящий визг, словно раскалённое железо опустили в ледяную воду. Свет прошёл сквозь сталь, будто её и не было. Закалённый клинок, гордость Ордена, оказался бессилен — свет рассёк его, словно тонкую бумагу.

Верхняя часть клинка с жалким лязгом отлетела в сторону, упав на песок раскалённым обломком. В руках остался лишь короткий, бесполезный огрызок, от которого валил едкий дымок. Отшатнувшись, Лайнес едва успел увернуться. Луч прошёл в сантиметрах от груди, обдав кожу жаром и оставив в воздухе запах гари.

Оглушённый силой удара, Лайнес рухнул на песок, прикрывшись щитом. По законам чести и правилам Ордена поединок следовало остановить, но тишину не разорвал властный голос паладина. Лицо Лорда Дэйфа оставалось маской, бесстрастной и непроницаемой. Его молчание было красноречивее любого приказа. Оно говорило о том, что испытание ещё не завершено.

Решение паладина не прекращать бой вызвало на лице Илная торжествующую ухмылку. Это было то, чего он так страстно жаждал, — законной возможности добить преступника. Без слов, с тихим свистом втянув воздух между зубов, ученик храмовника занёс клинки себе за голову, словно скорпион, готовящийся вонзить смертоносное жало. Оружие замерло в высшей точке, готовое обрушиться вниз с силой падающей звезды, чтобы разнести щит и того, кто за ним прятался, на куски.

Лайнес, прижатый к земле с обломком в руке, видел лишь этот ослепительный венец из света над собой. Инстинкт самосохранения кричал ему подставить щит. Это было отчаянное усилие — последний рубеж обороны, попытка продержаться хотя бы секунду, мгновение, ещё один вздох, пока кто-нибудь не опомнится и не прекратит это безумие.

Вжав голову в плечи, Лайнес зажмурился, ожидая неминуемого сокрушительного удара, который должен был смешать его с песком. Но в кромешной тьме за сомкнутыми веками вдруг

вспыхнул свет — не тот, что исходил от клинков Илная. Фиолетово-голубое сияние пробилось сквозь темноту, заставив его в недоумении приоткрыть глаза. Дыхание застряло у него в горле.

На внутренней стороне его щита растекалось, росло и расцветало волшебное видение. Там, на стали, проступил знакомый образ. Это была не гравировка и не отблеск — это было чудо, явленное ему в недавнем сне. Жакаранда… То самое дерево из сна.

Его бархатистый, испещрённый узорами ствол. Крона, состоящая из мириад лилово-синих колокольчатых цветов, которые светились изнутри. Каждый лепесток, каждый изгиб ветви был выписан с сюрреалистичной четкостью. Казалось, он вот-вот ощутит тот самый сладковатый, пьянящий аромат, что витал в том сновидении.

Время остановилось. Гул толпы, свист занесённых клинков, собственная боль — всё это ушло в небытие, поглощённое внезапным явлением прекрасного видения. В отчаянный миг своей жизни Лайнес оказался под сенью Жакаранды. И теперь ему предстояло понять, зачем оно явилось.

Клинки обрушились вниз ровно в ту секунду, когда Лайнес зафиксировал изображение на внутренней поверхности щита. Казалось, сама судьба свела в одной точке слепую ярость и явленное чудо. Мечи, шипя и искрясь, с лёгкостью вонзились в верхушку щита, прорезая сталь. Но вместо того, чтобы расколоть его, они встретили непреодолимое сопротивление. Движение мечей прервалось в центре щита, застыв меж расходящихся ветвей древа.

Оружие застряло намертво, будто его схватила и заковала в каменные тиски сама земля. Илнай, лицо которого исказила гримаса ярости и непонимания, изо всех сил потянул оружие на себя. Мускулы на руках вздулись от напряжения, ступни врезались в песок, но ничего не помогало. Клинки не поддавались, словно их удерживала невидимая, всесильная длань.

Лайнес не раздумывал ни секунды. Этот дар судьбы, это чудо, явленное на щите, нельзя было упустить. Собрав всю свою волю в кулак, он совершил единственно возможное в этой ситуации резкое движение — всем телом рванул щит на себя.

Это был взрывной импульс отчаяния и внезапно вспыхнувшей надежды. Илнай, до этого момента тянувший оружие на себя, совершенно не ожидал такого рывка. Потеряв опору, он не удержал равновесия. Его ноги заплелись, и дуэлянт с глухим стуком рухнул на песок.

Световые мечи, прежде грозное продолжение рук, выскользнули из ослабевшей хватки. Прежде чем толпа успела опомниться, Лайнес уже был на ногах и перехватывал инициативу. Мгновение — и он, словно тень, оказался за спиной поверженного противника. Грудь Илная тяжело вздымалась. Он попытался подняться, но зубчатый обломок меча уже прижимался к его горлу, недвусмысленно обещая смерть при малейшем движении.

Тем временем застрявшие в щите световые клинки испарились, оставив на поверхности эгиды оплавленные порезы. Щит с глухим лязгом откатился за пределы круга, перевернулся и рухнул в песок внутренней стороной вниз, навсегда скрыв от глаз волшебное видение.

И лишь Лайнес знал, что под его тяжестью сокрыто то, что спасло ему жизнь. Падение щита символично поставило точку в сражении. Илнай был обезоружен и побеждён, даже не подозревая об истинной причине своего поражения.

Дэйф поднялся со своего места и направился к ребятам. Каждый его шаг к центру круга был весомым. Он остановился между ними: Илнай лежал поверженный, а Лайнес стоял над ним, прижимая обломок меча к горлу противника.

— Бой окончен, — произнёс судья.

Эти слова, прозвучавшие как вердикт, отозвались эхом в гробовой тишине. Холодный, всевидящий взгляд Дэйфа медленно скользнул по Илнаю, а затем перешёл на Лайнеса.

— Безоговорочная победа, — продолжил Дэйф, чуть повысив голос, чтобы ни у кого не осталось и тени сомнения, — за Лайнесом. Он доказал не только силу своего духа, но и то, что достоин носить цвета Ордена. Его место здесь, — паладин выдержал паузу, окидывая

собравшихся предупреждающим взглядом, — в стенах Святого Ордена. Отныне этот вопрос более не подлежит обсуждению.

Его речь не требовала аплодисментов. Она была констатацией факта. Судьба Лайнеса была решена. Не изгнанием, а тихим, непоколебимым утверждением его права стоять среди остальных членов Ордена.

Лайнес, до сих пор чувствуя дрожь в коленях, медленно поднялся. Глубоко, с видимым усилием склонив голову в поклоне перед паладином, он молча принял вердикт. Не глядя на соперника, он направился через песчаный круг к щиту, лежавшему у самой черты.

Когда он поднял щит, на его внутренней поверхности ещё ясно виднелся образ дерева. Но буквально через миг Жакаранда начала увядать на глазах. Сперва с ветвей посыпались сияющие лиловые листья, рассыпаясь на тысячи искр и тая в воздухе, словно снежинки на солнце.

Затем силуэт ствола стал мерцать, теряя свою чёткость и плотность. Сквозь него начала проступать повреждённая поверхность щита с почерневшими разрезами от клинков. Ещё одно мгновение — и от дивного видения не осталось и следа, словно его и не бывало.

И в эту хрупкую тишину, нарушаемую лишь шипением остывающего металла, ворвался дикий, срывающийся на крик голос:

— КОЛДОВСТВО!

Илнай, с трудом поднявшись на ноги, был одержим, как зверь, сорвавшийся с цепи. Его лицо, искажённое яростью, пылало. Он тыкал пальцем то в Лайнеса, то в щит, то в воздух, а его голос звенел истерикой.

— Он остановил клинки запретной магией! — выкрикнул он, обращаясь то к паладину, то к публике. — Я видел! Я видел на его щите осквернённые символы! Проклятые знаки! Он осквернил чистоту боя! Это не победа, это — кощунство!

Его слова, полные ненависти, падали в толпу, как искры в солому, пробуждая сомнение и старую неприязнь. Истерика Илная не утихала, а лишь набирала силу, перерастая в нечто тёмное и липкое. Его голос, сорванный на визг, резал воздух, словно стекло:

— Это бесчинство! — выкрикивал он, тыча дрожащим пальцем в сторону Лайнеса. Его глаза полыхали безумием и обидой. — Ты слышишь?! Сплошное беззаконие и колдовство!

Но вскоре обвинения сменились откровенными, ядовитыми оскорблениями. Он уже не пытался что-то доказать. Вся его накопившаяся злоба, зависть и унижение излились прямо на Лайнеса.

— А ты!.. Ты думаешь, что всё изменилось? — он истерично хрипел, слюна брызгала с губ. — Ничего не изменилось! Никто не будет смотреть на тебя иначе! Все так же презирают тебя, подкидыша! Всё так же ненавидят!

— Друзей у тебя никогда не было и не будет! Никто не протянет тебе руку! Никто не разделит с тобой кусок хлеба! Ты навсегда один — жалкий, никчёмный изгой!

Илнай перевёл дух.

— Если тебя и оставят здесь, ты так и будешь чужим! Вечно один! Вечно презираемый! Твоя победа — грош цена! Ты никогда не станешь своим! Ты — пустое место!

Истеричный монолог Илная висел в воздухе, отравляя всё вокруг. Его голос, сорванный в визг, его глаза, полные безумия, — казалось, ничто не сможет остановить этот поток грязи и оскорблений. Он уже перешёл все границы, забыв о субординации, о достоинстве, о том, что за ним наблюдает весь Орден и сам Глава. Но следующее его слово так и не сорвалось с губ.

Воздух рассек сухой звук — шлепок. Не оглушительный удар, но звонкий, унизительный и отрезвляющий. Это была кара. Толгар, до этого момента наблюдавший за позором своего ученика с каменным лицом, в один миг закрыл расстояние между ними. Его движение было точным, без лишнего размаха. Грубая рука со всей силы отвесила Илнаю звонкую пощёчину.

Голова юноши дёрнулась от удара. Истеричный крик смолк, захлебнувшись внезапной болью. На его щеке проступил яркий красный след. В наступившей оглушительной тишине было слышно лишь его тяжёлое, прерывистое дыхание и сдерживаемый стон. В его глазах, ещё секунду назад полыхавших ненавистью, теперь читался ужас — осознание того, что его предали.

— Хватит трёпа, — прорычал Толгар сквозь стиснутые зубы. Его низкий, хриплый голос, полный невероятной силы и презрения, прозвучал громче и страшнее любого крика. — Ты достаточно опозорил меня и себя. Закрой свой рот, пока я не закрыл его навсегда.

Он говорил тихо, но так, что каждое слово отдавалось ледяным ужасом. Его железная хватка впилась в предплечье Илная, не оставляя сомнений в том, что любое сопротивление будет сломлено. Истерика была остановлена. Оставался лишь стыд, боль и давящая тишина.

На этой ноте, отмеченной болью и стыдом, поединок исчерпал себя. Воздух, ещё недавно дрожавший от ярости и магии, теперь висел тяжёлым и неподвижным пологом. Властного слова Лорда Дэйфа уже не требовалось — всё было сказано, всё было решено.

Зрители на балконах начали расходиться. Шёпотом переговариваясь, они потянулись к выходам, спеша забыть неприглядную сцену и переключиться на предстоящее событие.

Лайнес, всё ещё сжимая в руке обломок меча, медленно отпустил его. Никто не подошёл к нему с поздравлениями. Победа оказалась и правда горькой. Повернувшись, он последним увидел, как Толгар, не выпуская хватки, грубо оттаскивает своего обескураженного ученика прочь с площадки, утирая кровь с его лица.

Площадка быстро опустела. Лишь следы на песке да запах гари напоминали о неистовой битве за право остаться. Орден жил по строгому распорядку. Уже доносились отдалённые голоса, отдающие распоряжения, и суетливые шаги служек. Годовщина ждала своего часа. Её свет должен был затмить собой всё, что произошло после утренней молитвы. Каждый пошёл готовиться к грядущему празднику.

Полдень наступил стремительно, и здание Ордена опустело. Толпа сменилась тишиной, нарушаемой шелестом листвы да отдалёнными голосами уходящих в город групп. Лайнес, воспользовавшись возможностью покинуть стены обители раньше положенного часа, оказался наедине с собой. До прибытия кареты ещё оставалось время, и он присел на одну из деревянных скамей у входа в Орден.

Шум поединка, речи и крики стихли, но внутри буря только нарастала. Лайнес сидел, сгорбившись, вглядываясь в кладку под ногами — словно в её трещинах можно было найти ответы. Он победил и отстоял своё место. Но вместо торжества в груди засел горький осадок — хуже усталости, хуже синяков, он разъедал изнутри.

Слова Илная впились в сердце острее клинка. Они пробивали душу. «Никто не назовёт тебя товарищем». «Ты один». И самое ужасное: это была правда. Горькая правда.

Лайнес оглядел площадь. Никто не подошёл… не похлопал по плечу, не крикнул: «Идём с нами!». Юноша сидел в одиночестве, и это одиночество было громче любых слов. Он победил схватку, но главную битву — за место среди братьев — снова проиграл. Эта горечь, тяжёлая, как свинец, будет преследовать его долго, а возможно, всегда…

Лайнес всё глубже уходил в собственные мысли, словно камень, опускающийся на дно. Внутри него бушевал вихрь из горьких вопросов и обидных истин. «Зачем мне воевать за такое королевство? — терзался он. — Меня никто не любит. Здесь я никому не нужен. Какой в этом смысл?» Сердце сжималось от щемящего одиночества. «А если бы не чудо-дерево, я бы сегодня погиб. И никто даже не всплакнул бы по мне».

Он знал о косых взглядах и перешёптываниях, но не предполагал, что неприязнь зашла так далеко — что они готовы жаждать его крови на песке.

Лайнес, всё ещё утопая в своих мыслях, не услышал звук приближающихся шагов. Лишь лёгкое прикосновение заставило его поднять голову. Над ним, заслоняя солнце, стоял Дэйф.

На его лице сияла не привычная маска, а живая, широкая улыбка, от которой лучиками расходились морщинки. Не дожидаясь приглашения, Дэйф опустился на скамью — старые доски жалобно скрипнули. Он развалился, будто пришёл на весёлый пир.

— Славный поединок! — воскликнул паладин, и его голос прозвучал искренне, нарушая давящую тишину одиночества. — Я в тебе ни капли не сомневался! У тебя есть все навыки, чтобы в будущем сразиться со мной на равных.

Лайнес покачал головой, его взгляд был обращён внутрь себя, к тем мгновениям, где он стоял на грани гибели.

— Мне повезло одолеть его, — отозвался он, не глядя на собеседника, а уставившись в пространство перед собой, словно видя те ослепительные клинки. — Илнай был сильнее, а его мечи… — Он притих, подбирая слова. — Они сияли… Я видел такое впервые. Переруби он щит пополам, я бы с вами тут уже не беседовал. Мне повезло, что мечи застряли.

Лорд Дэйф внимательно слушал юношу, и его широкая, беззаботная улыбка постепенно сменилась выражением глубокой, искренней заинтересованности. Он склонил голову, давая Лайнесу время высказаться, и его проницательный взгляд смягчился.

— Не обязательно быть сильнее, чтобы одолевать противника, — повторил паладин, и в его голосе звучала не только похвала, но и теплота. — Сегодня ты доказал, что смекалка и находчивость в сражении имеют большее значение, чем грубая сила. Запомни это.

Однако Лайнес, казалось, едва расслышал эти слова. Его мысли были заняты другим. Он смотрел вдаль, прежде чем тихо, неуверенно произнести:

— Можно кое о чём попросить?

— И о чём же ты хочешь попросить? — спросил паладин.

— Хоть Илнай сегодня и сорвался… но не наказывайте его строго, — попросил он, и его слова полились быстро. — Прошу, не отчисляйте его. Наверное, у него был плохой день.

Воцарилась тишина. Дэйф смотрел на Лайнеса с выражением, будто видел его впервые — в глазах мелькнуло отеческое изумление. Он покачал головой, и улыбка стала ещё теплее, шире, словно он только что увидел нечто по-настоящему важное.

— Знаешь, порой мне стыдно, — голос паладина стал тише и теплее, — что не каждый в Ордене способен на такие слова. — Он посмотрел на Лайнеса. — Ты не просто достоин быть среди нас — ты единственное светлое пятно.

Эти слова стали не просто лекарством от горьких мыслей. Они пробудили в Лайнесе такую сильную надежду, что он на миг забыл обо всём: о печальном настроении, об обиде, о гнетущем одиночестве.

В сердце, ещё несколько минут назад сжавшемся от боли, разгоралось радостное тепло. Казалось, лучи солнца стали ярче, а весь мир добрее. Лайнес, окрылённый этой близостью, решился на большее. Он посмотрел на паладина с внезапной серьёзностью.

— Лорд Дэйф, а вы верите в сны? — тихо спросил он, и в его голосе звучала трепетная надежда. — В сны, способные становиться реальностью?

Этот вопрос застал паладина врасплох. Его добродушное выражение лица на мгновение померкло, сменившись тенью забытой боли. Он отвёл взгляд, уставившись в пустоту перед собой, словно вглядываясь в далёкие воспоминания.

— В сны? — переспросил он, и его голос, обычно такой уверенный, внезапно стал тише. — Извини, Лайнес, мне очень давно не снились сны. С тех пор, как мой лучший друг…

Он не договорил. Последние слова так и остались невысказанными.

В эту самую секунду пространство вокруг них взорвалось суетой.

К ним с громким топотом приближался запыхавшийся мужчина. Его лицо было алым от спешки, а на униформе виднелись пятна пота. Он почти влетел в их тихий уголок, нарушив внезапно возникшее уединение, и, едва переводя дух, выпалил, обращаясь к Лорду:

— Лорд Дэйф, вас срочно вызывает король! — его голос сорвался на визгливую ноту от волнения. — Он приказал вам явиться сию же минуту!

Паладин поднялся и сделал пару шагов к дворцу, но остановился и обернулся к Лайнесу.

— Извини, Лайнес, продолжим в другой раз, — он в очередной раз улыбнулся, и в этой улыбке была и досада на прерванную беседу, и обещание. — Тебя ждёт карета. Сегодня она отвезёт тебя пораньше из-за годовщины.

Он уже снова собрался уходить, но вдруг хлопнул себя по карману.

— А, чуть не забыл! — воскликнул он, словно вспоминая о чём-то важном.

Его рука исчезла в складках плаща и погрузилась в глубокий карман. Несколько секунд он что-то искал, и на его лице появилось комичное выражение сосредоточенности. Наконец, его пальцы нащупали искомое. Он выудил оттуда маленькую, но удивительно увесистую вещицу, сверкнувшую на солнце.

— Это тебе, — сказал паладин, и его голос стал более личным, доверительным. — Это подарок от меня. В честь твоей победы.

Дэйф протянул руку, раскрыв ладонь, на которой лежал брелок. Он был отлит из тёмного, почти чёрного металла, но его края были отполированы. На одной его стороне был искусно изображён феникс в полёте.

Резьба была настолько филигранной, что передавала каждую мельчайшую деталь: перья, изгиб шеи, каждый вихрь огня. Создавалось впечатление, что птица замерла на мгновение, чтобы в следующее взмыть с ладони в небесную высь.

Глава Ордена ловким движением перевернул брелок, открывая другую сторону. На ней угадывалась надпись — стёртая, потёртая, сглаженная бесчисленными прикосновениями. На первый взгляд надпись казалась нечитаемой, но стоило приглядеться — и проступали слова: «Только мы решаем, когда нам воскреснуть из пепла».

Дэйф позволил Лайнесу вчитаться, выдержав значимую паузу. Затем он вложил металл в ладонь юноши. Брелок оказался тяжёлым — настоящим обетом, закалённым в огне.

— Когда-то эта безделушка и её послание зажгли в моём сердце огонь надежды. Я хочу, чтобы впредь она была у тебя и однажды помогла тебе возродиться с новой силой, так же как в своё время возродился я, — заключил Дэйф.

Лайнес сжал брелок так крепко, что его края вдавились в ладонь. В глазах юноши блеснули не только благодарность, но и зародившаяся решимость.

— Я не подведу вас. Обещаю, я найду в себе тот огонь, про который вы говорите.

На этой ноте паладин развернулся и быстрым шагом направился к королевскому дворцу. Его фигура быстро уменьшалась, пока окончательно не растворилась вдали. Лайнес же, с чувством лёгкости в груди, двинулся в противоположную сторону — к городским воротам.

Неожиданная встреча с Дэйфом стала целебным бальзамом для свежих и горьких ран. Осадок от слов Илная и гнетущее одиночество отступили. Уголки его губ непроизвольно поползли вверх в лёгкой, почти неуловимой улыбке. «Интересный же день выдался, — пришло ему на ум. — А время-то только обед».

Лайнес не заметил, как пролетела дорога к воротам, где его ждал Пеголан. Путь домой был совсем другим. Он говорил доверительно, как с другом: о ярости Илная, о светящихся клинках, о поддержке Лорда Дэйфа, о брелоке, который сейчас лежал у него в кармане.

Единственное, о чём он умолчал, — это чудесное дерево на щите. И по мере того, как он делился своей историей, выплёскивая тревоги и восторги, грустные мысли одна за другой окончательно покинули его. К концу пути его голос стал твёрже, а в сердце не осталось и капли прежней горечи.

Попрощавшись с кучером, Лайнес пересёк каменный порог башни. Молча пройдя мимо стражи, он стал подниматься к себе на этаж под надзором охранников. Подъём давался с трудом. Юноша не смотрел по сторонам, монотонно преодолевая ступеньку за ступенькой, как

вдруг на одном из этажей замер. Сердце пропустило удар, а затем забилось чаще. Он застыл, охваченный леденящим дежавю.

— Лайнес, чего застыл? Давай, не томи и проходи в камеру, — послышались снизу слова одного из стражников.

Светильники… Их стало больше. Ровно на один светильник больше, чем должно было быть. Он точно знал каждый сантиметр этой проклятой башни. Один из светильников, тот, что ближе к повороту, был лишним. Он был чужим, явившимся прямиком из кошмара.

— Лайнес, ну чего ты встал? Шагай давай! — повторил охранник.

Лайнес вздрогнул, оторвал взгляд от чужого света и, подавив панику, зашагал к себе. Он вошёл в комнату, и дверь за ним с тихим щелчком захлопнулась, отсекая мир и оставляя его наедине с собой. Юноша прислонился спиной к двери, закрыл глаза и выдохнул, позволяя напряжению последних часов постепенно отступить.

«Я просто переутомился, — убеждал он себя, проводя рукой по лицу. — Слишком много всего произошло за день». Это объяснение стало его щитом против навязчивого, леденящего душу ощущения. С механической рассеянностью он принялся раздеваться. Пальцы сами развязывали ремни и расстёгивали застёжки, снимая не просто одежду, а груз пережитого дня — пыль арены, запах пота и страха, тяжесть взглядов.

Он рухнул на кровать. Жёсткий матрас с привычным скрипом принял его тело. Лайнес зажмурился и отогнал прочь все дурные мысли — и яростное лицо Илная, и светильник, и даже обнадёживающие слова наставника.

Усталость, копившаяся весь день, накрыла его. Сознание постепенно погружалось в забытьё. Он провалился в сон, и вскоре тревоги отступили, оставив его в долгожданной тишине. Так юноша проспал до вечера, и, когда его веки наконец дрогнули, за бойницами уже темнело.

Глава 5 Цена неудачи.

Вечерние тени медленно поглощали город, а над его крышами уже вздымался ликующий гул. Градстоун наполнялся праздничным оживлением, и с каждым новым зажжённым окном торжество словно охватывало всё больше улиц. Где-то играла музыка, манившая прохожих и заставлявшая сердца биться в едином ритме всеобщего веселья.

Воздух был густ от запахов медовых пряников, жареного мяса и терпкого вина. Однако за праздничным гомоном скрывалась иная реальность. Стража понимала: главную угрозу таили не возможные мятежи, а пьяные ссоры и дебоши, вспыхивавшие там, где хмель брал верх над рассудком.

Особое внимание уделялось Торговому кварталу. Его извилистые переулки, затенённые нависающими кровлями, притягивали самую беспокойную публику. Воспользовавшись разрешением короля, трактирщики с утра выставляли прямо на улицы бочки с наливкой и вином, продавая их по бросовым ценам. К вечеру многие успевали изрядно набраться, и стражники знали, что без драк и дебошей здесь вряд ли обойдётся.

Чаще других поддавались соблазнам отставные рыцари. Собираясь в шумные компании, они всё охотнее предавались выпивке и развлечениям, постепенно растрачивая оставшиеся сбережения в тавернах и сомнительных заведениях. Кроны перекочёвывали в карманы их хозяев, а вместе с ними уходила и способность сохранять самообладание. За кружкой вина боевые товарищи вспоминали былые кампании, обсуждали положение столицы, но нередко такие беседы перерастали в яростные споры, заканчивавшиеся кровавыми потасовками.

На улицах Градстоуна дежурили дополнительные отряды стражи. Они стояли в свете фонарей, пока из таверн доносились хриплый хохот, перебранки и звон разбитой посуды. Однако вмешиваться в происходящее за дверями заведений им категорически запрещалось. Пока шум не вырывался на улицу, стражники были вынуждены оставаться в стороне, даже если за закрытыми дверями веселье уже перерастало в драку.

Впрочем, далеко не все отставные рыцари проводили дни в праздности. Те, кто сохранил прежнюю силу и не утратил боевых навыков, находили себе другое занятие. Вместо того чтобы окончательно расстаться с мечом, они вступали в гильдии — закрытые объединения, где опыт и умение убивать ценились куда выше былых заслуг.

В полуподвальных помещениях, среди пропылённых свитков и потёртых столов, такие ветераны получали задания, о которых не объявляли на площадях. Работа была опасной, а её подробности предпочитали держать в тайне. Зато платили за неё щедро.

Однако даже среди этих ветеранов спрос на исполнителей превышал предложение. Тогда главы гильдий отправлялись на невольничий рынок, где приценивались к выставленному товару. Люди, стоявшие на помостах, могли после одной сделки оказаться в распоряжении тех, кто искал не слуг, а исполнителей для особых поручений. Чтобы соблюсти букву закона, новый владелец получал свиток с распиской, в которой значилась ничего не объяснявшая формулировка: «для служения и тяжкого труда».

Купленный за мешок серебра богатырь с севера мог числиться личным телохранителем, хотя на деле его ждала кровавая работёнка. Девушка, проданная за долги, могла поступить в услужение, но вскоре её навыки использовали для шпионажа или соблазнения нужных людей. В мире гильдий правда была такой же гибкой и продажной, как и всё остальное. И пока одни рыцари доживали свой век за кружкой эля, другие продолжали войну в тишине, без знамён и всякой славы.

Гильдии представляли собой нечто вроде королевства в королевстве. Одни стремились к наживе — тяжёлым, звенящим монетам, способным купить почти всё, даже человеческую душу. Другие охотились за сокровенными тайнами, ценившимися куда дороже любого клада.

Они действовали на границе закона, оставаясь циничными и неуловимыми, и редко отчитывались перед кем-либо за свои методы.

Кроны поступали в казну гильдий от заказных убийств и шпионажа, но нередко за эти услуги платила и сама Корона. Гильдии становились ушами королевства, собирая слухи, ползущие по переулкам, и глазами, замечавшими то, что оставалось скрытым от остальных. Они были необходимым злом, которое власть вынуждена была принимать, словно горькое лекарство.

Но у этого зла были свои законы. Два железных правила, которые Корона всеми силами пыталась искоренить. Были даже изданы указы о роспуске гильдий, но победа оказалась эфемерной. Королевство быстро ослепло и оглохло, лишившись своих главных соглядатаев. Властям пришлось смириться и позволить гильдиям вернуться, но уже на их условиях.

Первое правило было простым: никто не имел права разглашать планы гильдии. Второе — страшнее: под страхом смерти запрещалось выдавать себя или других членов. Вычислить члена гильдии не мог даже король. Купец, продающий шёлк, мог быть наёмным убийцей, а монах — хранителем украденных знаний. Нарушившего правила ждала не просто казнь, а мучительная смерть. Гильдии были тенью, которую нельзя ни поймать, ни контролировать.

Пьяный гул «Хищного Цветка», сотканный из стука кружек, хриплого хохота и шёпота, был внезапно распорот на части диким, исступлённым криком.

— Давай! Давай мне даму червей! Ещё, я сказал ещё!

За столом, подобно разъярённому быку, восседал грузный мужчина. Его рыжая борода, испачканная брызгами эля, тряслась в такт дыханию. За его спиной стояли два охранника. По правую и по левую руку сидели две девы с клеймами бабочки. Одной из них досталось — пятно на её щеке ярко алело под тусклым светом люстры.

— Господин, вы и так сегодня много проиграли. Может, пора остановиться? — раздался тревожный голосок одной из девушек.

Прежде чем кто-то успел что-либо понять, по залу прокатился сухой, звонкий хлопок — Гейл отвесил девушке пощёчину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.